

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра современного русского языка и методики

СЮЙ СИНЬ

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Цифровая символика в китайском и русском языках

Направление подготовки 45.03.02. Лингвистика

Направленность (профиль) образовательной программы Перевод и переводоведение
(русский язык как иностранный)

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

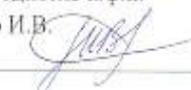
Заведующий кафедрой к.ф.н.,

доцент Бебриш Н.Н.

31.05.2019г.

Научный руководитель к.ф.н.

доцент Ревенко И.В.

31.05.2019г.

Дата защиты

20.06.2019 г.

Обучающийся

Сюй Сянь

Оценка _____

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОЙ СИМВОЛИКИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	7
1.1. Число в языковой картине мира	7
1.2. Соотношение понятий число и числительное	13
1.3. Цифровая символика как отражение культурных коннотаций.....	22
1.4. Культурные коннотации обозначения чисел в межкультурной коммуникации	27
ГЛАВА 2 СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦИФРОВОЙ СИМВОЛИКИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ	35
2.1. Сопоставление числа «один» в русской и китайской идиоматике	35
2.2. Сопоставление фразеологизмов с числом «два» в русском и китайском языках.....	40
2.3. Фразеологизмы с цифрой «три» в двух языках	42
2.4. Сопоставление идиом с цифрой «четыре» в фразеологической системе двух языков.....	45
2.5. Цифровой компонент «семь» в русских и китайских идиомах	51
2.6. Фразеологические единицы с элементом «девять» в русском и китайском языках	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	57
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	59
Приложения.....	68

ВВЕДЕНИЕ

Цифры и числительные как идеографические знаки с давних времен стали предметом исследования лингвистов. Категория числа и соответственно числительные всегда играли очень важную роль в мифопоэтических воззрениях народа.

Так в трактате известного античного философа описывается как одна из категорий «количество». Философ рассматривает свойства числа и слова и указывает, что «у частей числа нет никакой общей границы, где соприкасались бы его части; так, например, если пять есть часть десяти, то пять и пять не соприкасаются ни на какой общей границе, а стоят отдельно; вообще у числа нельзя указать общую границу его частей; они всегда стоят отдельно, поэтому число принадлежит к отдельным количествам» [Аристотель].

Компаративное исследование фразеологического фонда разных языков в настоящее время привлекает всё большее внимание лингвистов, и этот интерес нельзя считать случайным: именно фразеология является наиболее богатным материалом, анализ которого позволяет определить закономерности образного моделирования мира носителями того или иного языка, установить степень сходств и различий фоновых знаний, стоящих за сопоставляемыми единицами. Результаты таких исследований имеют несомненную ценность для целого ряда лингвистических дисциплин, в том числе сопоставительной лингвокультурологии, так как способствуют выявлению наиболее типичных, константных признаков национальной культуры, а также её реалий, представления о которых очень своеобразно преломляются во внутренней форме фразеологизмов. В этом плане перспективными являются исследования, материалом которых служат неродственные разноструктурные языки, единицы которых демонстрируют не только универсальность, но и этнокультурную обусловленность процесса фразеобразования.

Актуальность исследования. В данной работе мы сосредоточили своё внимание на анализе общих и идиоэтнических компонентов числовой символики, находящих своё выражение в русской и китайской фразеологии. Обращение к этой проблематике кажется нам актуальным по той причине, что нумеративные фразеологизмы очень ярко отражают своеобразие образно-символического осмысления базовых категорий бытия, одной из которых является количество. Исключительная важность числовых представлений в жизнедеятельности человека определяет широту и разнообразие фразеологических единиц, включающих в качестве компонентов имена числительные.

В межкультурной коммуникации цифровую символику отличают яркий национальный колорит и привычные образы употребления. Это связано с культурными традициями народа. Разные народы имеют свою числовую символику, носители русского и китайского языков не являются исключением в данном вопросе и умение правильного употребления чисел в межкультурной коммуникации имеют огромное значение в процессе преодоления барьеров в общении и развития взаимопонимания между народами.

Цифровая символика в китайском и русском языках не достаточно отражена в научных публикациях последних лет, особенности нумерологии представляются автору настоящей работы не достаточно изученными и полученные наблюдения, и выводы будут способствовать углублению постижения и учебного описания общей теории сопоставления русской и китайской языковых картин мира.

Как показывает обзор литературы, данная проблема является актуальной и привлекает внимание многих известных китайских и российских учёных, например: ДиЯогуанг, Мэн Цинжун, Хуан Цинхуа. В последнее время вопрос нумерологии исследуется такими учеными, как Л. А. Брусенская, В.В. Горбачевич, И. Г. Башмакова и др. Проблеме представления цифровой символики в языковой картине мира и построении на основе

анализа языковых средств выражения категории количества посвящен ряд публикаций: В.М. Топорова, С.М. Толстой, Д.А. Скоробутова, Т.Б. Пасечник, В.В. Шевченко.

Объект – цифровая символика, отраженная в языке.

Предмет – фразеологизмы с цифровыми компонентами.

Цель – изучить национально-культурные особенности символики цифр в русском и китайском языках в лингвокультурологическом аспекте.

Указанная цель предполагает решение следующих задач:

1. Изучить научную литературу по теме исследования
2. Собрать пословицы и поговорки, в состав которых входят цифры, используя различные источники на русском и китайском языках;
3. Сравнить символику цифр в русском и китайском языках и сделать выводы.

Приемы и методы исследования. Сравнительный, метод анализа, метод наблюдения. Кроме того, в работе использованы собственно лингвистические методы анализа: описательный; сопоставительный; структурный; компонентного анализа.

Практическое значение Данные исследования можно использовать при обучении китайских студентов, а также на занятиях по межкультурной коммуникации.

Источники материала. Научные публикации по теме исследования, русские и китайские фразеологические словари. В работе проанализировано 92 русских устойчивых выражения и 40 китайских.

Объем и структура работы. Настоящее исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, приложений.

Бакалаврская работа изложена на 71 странице компьютерного текста, содержит 92 единицы библиографии.

Во введении обосновывается актуальность проблемы, формулируются цели и задачи исследования, определяется актуальность, практическая значимость работы.

В первой главе рассматриваются теоретические основы цифровой символики в лингвокультурологии.

Во второй главе проводится сравнительный анализ цифровой символики в китайском и русском языках на основе материалов словарей.

В заключении формулируются основные результаты исследования.

Апробация работы проходила в форме дискуссий с китайскими и русскими студентами СФУ, носителями языка; по теме исследования прочитан доклад «Цифровая символика как отражение культурных коннотаций» на конференции «Дни славянской письменности и культуры». Красноярск, КГПУ 31 мая 2019г.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОЙ СИМВОЛИКИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

1.1. Число в языковой картине мира

Гуманистическая направленность научных исследований определяется, с одной стороны, возрождением внимания к языковедческим идеям С.Булгакова, А.А.Потебни, П.А.Флоренского, А.Ф.Лосева, которые определяли язык как онтологическую сущность, символическую реальность, а с другой стороны, - интенсивной разработкой проблемы языковой картины мира.

Языковая картина мира, наряду такими картинами мира как физико-механическая картина мира, химическая и мифологическая картина мира, является одной из специальных картин мира и, кроме того, можно говорить о том, что современная языковая картина мира претендует на интегральную и универсальную роль среди других специальных картин мира.

Имеют место научные работы по теме исследования языковой картины мира, которые можно разделить на две группы:

- исследования, основанные на научной системе понятий, которые в совокупности образуют научную картину мира;
- ненаучные исследования, которые использует человек вне зависимости от его знания тех или других научных дисциплин и владения научной картиной мира.

Это подтверждает Ю.Д. Апресян, отмечая, что «образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира» [Апресян, 1986: 5].

Человек в процессе жизнедеятельности создаёт концептуальную систему, представляющую идеальный образ объективного мира, что отображается в языке, в семантике языковых знаков, образуя языковую картину мира. При кажущейся простоте вопроса о характере отражения

картины мира в его языковой модели исследователь сталкивается с трудностями каждый раз, когда пытается воссоздать языковую модель на конкретном лексическом материале. Так, например, Л.Н. Пелепейченко справедливо считает, что «к вопросу о воссоздании языковой картины мира следует подходить с учётом многостороннего познания мира и многоуровневого отражения действительности в языке» [Пелепейченко, 2000: 87].

Язык играет активную роль, воспроизводя логическую мысленную картину мира, внося в неё своеобразные коррективы, накладывая на понимание свой след. В сознании появляется наряду с определённой системой мыслей, отражающей картину мира, языковая картина мира, сопутствующая первой, но не всегда полностью ей соответствующая. Эта лингвистическая картина варьируется от языка к языку. Поэтому механизм языкового выражения действительности не может быть единым для всех языков.

«В языке закрепляются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами» [Телия, 1986: 233]. Стереотипы, или эталоны представляют собой «своего рода константы языковой картины мира» [Роль человеческого фактора в языке 1988: 46], так как через эти имена в концептуальную картину вплетается то обиходно-бытовое представление о мире, которое зафиксировано данным языком. Будучи связанной с языком как способом закрепления всей отражательной деятельности мышления, языковая картина мира выполняет функции обозначения основных элементов концептуальной картины мира и представления её средствами языка. Концептуальная картина мира богаче языковой, так как в её создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербализованное. Правомерность данного утверждения подтверждается наличием значительного количества современных лингвистических теорий, связанных с аспектами взаимоотношения языка и мышления.

Г.А.Брутян выдвинул принцип лингвистической дополнительности в противовес теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа, автор отмечает: «...сохраняются периферийные участки, которые остаются за пределами логического отражения, и в качестве словесных образцов вещей и лингвистических моделей отношений между ними варьируются от языка к языку в зависимости от специфических особенностей последних. Через вербализованные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира; эти модели дополняют нашу общую картину знания, корректируют её...» [Брутян, 1968: 57].

Особую актуальность исследование языковой картины мира приобрело в связи с развитием когнитивной парадигмы в современном языкознании, где язык рассматривается не только как способ материального воплощения мысли, но и как принцип осмысления бытия. Эффективным способом реконструкции языковой картины мира и того менталитета, который порождает и объясняет эту картину, является онтологическая этимология. Непосредственной целью онтологической этимологии является выявление семантической мотивировки языковых обозначений определённых концептов, в которых воплощены когнитивные процессы, лежащие в основе современных языковых картин мира.

Как отмечает Т. Харитонова, эти семантические мотивировки переплетаются с двумя лингво-культурологическими кодами: генетическим, «который описывает происхождение концепта, связанного некоторыми общими чертами с архетипами К.Юнга в их современной интерпретации», и функциональным, «который характеризует реальные черты денотата и выступает объединяющим звеном между синхронией и диахронией» [Харитонова 1998: 329].

Результат отражения окружающей нас действительности, как известно, преломляется сквозь призму языка. Это означает, что знание имеет языковой характер не только в том смысле, что язык выступает как способ осуществления знания, но и в том, что язык оставляет свой специфический

след на знании. Г.А. Брутян считает, что «знание, зафиксированное в понятийном составе познающего субъекта, называется мыслительной моделью; а знание, выраженное словарным, то есть языковым багажом, называется языковой моделью» [Брутян 1976: 58].

Языковую картину мира образуют получившие языковое выражение концепты. «Концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира» [Пименова, 2004:10]. Одним из таких концептов является количество. При рассмотрении концептов с позиций лингвокультурологии важно не только анализировать единицы, которые являются именем концепта, т.е. представляют его при помощи своего лексического значения, но и те смысловые слои концепта, которые связаны с закреплёнными за единицами языка символическими смыслами, поскольку именно в них наиболее ярко проявляется специфика лингвокультуры.

«В языковой картине мира числовой символизм проявляется через мировую культуру. В языковой картине мира восприятие чисел имеет свои особенности в зависимости от отличий в культуре» [Абабайкэжи, Шантурова, 2017:406]. Это связано с тем, что число является элементом национальной языковой картины мира, обладающее не только символикой и семантикой, но и определённым культурным кодом. Сравнение цифровой символики разных культур особо значимо, так как восточные и западные культуры к понятию числа подходят по-разному. Можно отметить, что специалистами условно выделяются две группы в нумерологии: западную и восточную, что подтверждает вывод о том, что у каждой нации есть своя своеобразная нумерология, которая появилась и развивается в определённой

культуре. «При этом происхождение нумерологии остается спорным, согласно публикациям и большинство ученых считает, что основателем нумерологии является Пифагор» [Волошинов, Рязанова, 2011: 336].

Например, в Китае существует «учение о символах и числах» (сян-шучжи-сюэ), которое основано на главном каноне «Тринадцатиканония» («Шисаньцзин») «Чжоу и» / «И цзине» [Кобзев, 1994: 166]. В рамках нумерологии существует направление, которое рассматривает смысл и значение цифр, их мистический смысл. Ю.А. Антонова отметила факторы символического использования цифр в китайском языке:

- восточная философия;
- омонимия, придающая числам дополнительную коннотацию [Антонова, 2012: 200].

А в русском языке символические значения цифр встречаются в Библии, где цифры имеют свою коннотацию, в связи с чем можно говорить о том, что у русской и китайской культурных групп свои ассоциации с тем или иным числом. Основное отличие, по мнению ЦуйХунЕнь - для китайского языка характерно сходное произношение цифр, то есть омонимия, автор пишет: «Источником переосмысления наименований чисел оказывается их сходство в звучании с эмоционально-оценочными словами» [ЦуйХунЕнь, 2003: 8].

Нужно отметить, что под влиянием разных культур, в русском и китайском языках цифры получили различное символическое содержание и для исследования этого содержания особое значение имеет способность понимания культурно-национальной ментальности носителей языка. Способность понимания культурно-национальной ментальности носителей языка называют лингвокультурологической компетенцией (ЛКК), которая необходима для формирования языковой картины мира.

Исследователь В.Н. Телия определяет ЛКК как «способность понимать культурно-национальную ментальность носителей языка, выраженную в

культурной семантике языковых знаков и умений «интерпретировать языковые знаки в категориях культурного кода» [Тэлия, 1993: 10].

Эта группа представлена следующими определениями: В.В. Воробьев определяет ЛКК как «знания идеальным говорящим-слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке». Описывая взаимосвязь языка и культуры, и говоря о ЛКК, он подчеркивает, что «данная концепция в методическом плане имеет своей целью обучение языку». Культура постулируется В.В. Воробьевым как «объект обучения, предъявление учебного материала происходит не от языковой, а «от культурной единицы». ЛКК принимает форму языковой, но оказывается глубже содержательно [Воробьев, 2013: 196].

Е.А. Дортман под ЛКК понимает «способность осознавать культурные факты, культурно-историческую среду, национальную специфику языковой картины мира, национально-культурный компонент значения языковых единиц и готовность к взаимопониманию на основе овладения знаниями о мире, вербализированными посредством иноязычных лексических средств» [Дортман, 2012:26].

Д.И. Башурина считает, что «лингвокультурологическая компетенция представляет собой систему знаний о культуре, выраженную в национальном языке, и комплекс умений по оперированию этими знаниями». Автор приходит к выводу, что «способность к межкультурной коммуникации рассматривается как следствие формирования вторичного когнитивного сознания в процессе овладения иностранным языком, что может быть достигнуто в ходе работы над лингвокультурологическим изучением репрезентативных фрагментов культуры» [Башурина, 2005: 56]. К такому репрезентативному фрагменту культуры можно отнести цифровую символику.

В связи с этим ученые вводят понятие «концептуального кода культуры». «К базовым концептуальным кодам культуры (КК) относятся: спатильный, квантитативный, геометрический, и колоративный и для целей

настоящей работы представляется необходимым рассмотреть «квантитативный культурный код» [Савченко 2016: 68].

Специалисты рассматривают понятие числового (цифрового) культурного кода (КК) – как «совокупность имен, обозначающих числа, операции и замеры, и специфические для них качественные, временные характеристики как источник осмысления человеком мира» [Большой фразеологический словарь русского языка, 2006].

Так, квантитативный КК представляет образы через единицы измерения или образы количества: измерения количества, объема, массы. Числа наделяются значимым для культуры содержанием.

«Цифры возникли в определенный период развития мышления человечества, когда использование знаков стало необходимым при осуществлении экономической деятельности» [Хуан Сухуа, 2005:62]. С точки зрения времени и пространства цифра является не только союзом границы и безграничности, но и началом мировой религии и воплощением всего существа и души. «Ученые древней Греции считали, что все вещи представляют собой цифры, все вещи подражают цифрам, их материалы и изменения тоже являются цифрой, цифра самостоятельно существует во всех вещах» [Ван Хунцзи, 2002:171].

1.2. Соотношение понятий число и числительное

Категория числа и соответственно числительные всегда играли очень важную роль в мифопоэтических воззрениях народа. Закономерности окружающего мира, ритм, повторение событий не могли не вызывать интереса и не отразиться в пословицах, поговорках и так далее.

В современной лингвистике цифра трактуется не только как элемент грамматической категории, но и как фрагмент языкового мировоззрения.

Понятия «число» и «числительное» следует различать между собой: числительное является частью речи, которая выражает количество объектов.

Число - это отношение в широком значении. Понятие числа тесно связано с понятиями количества, порядка учета и грамматических чисел. Лингвист А.А. Реформатский полагает, что без числа немыслима не только любая наука, но и любое знание, любое отношение к жизни. «Число даёт не только миру вещей, но и простую связь явлений, и здесь язык неизбежно связан с числом в развитии человеческого мышления от диффузно-предметных попыток первобытного человека до современного понимания числа во всём математическом и философском многообразии числовых возможностей» [Реформатский, 1915:73].

В понятии о числе развитие человеческого мышления отражается в формировании математического мышления. Математика занимается исследованием высоко отвлечённых чисел, пространства и времени, численных отношений. Числа играют важную роль в развитии науки и имеют существенное значение для расцветания человеческой науки.

В соответствии с С.М. Толстой, «в дополнение к абстрактным, чисто количественным и порядковым значениям, количество языка в популярной культуре наделено каким-то дополнительным смыслом, приобретает определенную коннотацию, и становится объектом оценки и символизации» [Толстая, 2002:43].

Вопрос о числительных в русской лингвистической литературе получил освещение, как в общих грамматических курсах, так и в отдельных работах. Как известно, античная грамматика не выделяла имена числительные как особую часть речи. Однако при научном изучении русского языка, начатого М.В. Ломоносовым, своеобразие слов, указывающих на число, привело к тому, что их стали выделять как особый разряд слов.

М. В. Ломоносов посвятил именам числительным главу 7 наставления третьего («Об имени») [Ломоносов, 1952: 473]. Он выделил их, наряду с существительным и прилагательным, среди имен и различал числительные «первообразные» (по современной терминологии - количественные) и

«производные» (порядковые, а также собирательные и слова типа *полтора*, *полтретья* и пр.). Русский ученый рассматривал склонение этих слов. Кроме того, в главе, посвященной «сочинению имен», отметил некоторые синтаксические особенности числительных - особенности их сочетаний с именами существительными и прилагательными.

М. В. Ломоносов, будучи ближайшим предшественником сравнительно-исторического языкознания, намеревался использовать числительные как одну из ярких иллюстраций, показывающих «сродственность» и «несродственность» языков [Ломоносов, 1952:652].

Первое столетие изучения русских числительных завершает Ф.И. Буслаев. В его работе рассматривалось образование сложных, порядковых, собирательных числительных. Являясь представителем логического направления, Буслаев выделял числительные как группу слов, характеризующуюся специфическим значением количества. По форме же он считал их либо существительными (количественные от *пяти*), либо прилагательными, либо отличающимися от тех и других «своею собственной формой» (*два*, *три*, *четыре*). Ф.И. Буслаев рассматривал также основные случаи сочетания числительных с существительными и прилагательными. Он отмечал, что «в последнее время усиливается логическое понимание числительных, то есть утрачивается их понимание как существительных» [Буслаев, 1958:149]. Числительное у Ф.И. Буслаева выделялось в особую часть речи (служебную) по семантическому признаку, отрывавшемуся представителями логического направления от морфологических и синтаксических особенностей.

В целом, представители психологического направления, сделав известный шаг вперед в изучении числительных и в признании их как особой части речи, все же не решили вопрос о месте группы числительных в системе частей речи и вопрос о составе этой группы.

В.А. Богородицкий является представителем психологической школы в русской грамматической науке. Ученый выделяет числительные по признаку

семантики, различая в их среде количественные, которые (начиная с *пяти*) «имеют форму существительного», и порядковые, которые «по своей форме являются прилагательными». В схеме частей речи, приводимой В.А. Богородицким, числительные занимают место в группе «слов с собственным значением», подчиненных существительным [Богородицкий, 1935:106].

Новым шагом в изучении числительных стали труды А. А. Потебни, для которого был характерен подход к языку как к явлению развивающемуся и изменяющемуся. Исследователь воспроизводил исторический процесс преобразования количественных имен существительных (*5 - 10, 100 - 1000, сорок*) и прилагательных (*один, два, три, четыре*) в особый грамматический класс имен числительных. В своей работе А.А. Потебня отмечал, что числительное при всей отвлеченности числа «не есть слово формальное». Оно имеет как «логические, так и формальные стихии, то есть имеет и свое специальное содержание и отношение к грамматической категории существительного, прилагательного, наречия, рода, падежа, числа и пр.» [Потебня, 1958: 192,194]. Таким образом, ученый относил числительное в разряд знаменательных слов, отмечая вместе с тем наличие у этой части речи формальной специфики, связанной с их лексическими, семантическими особенностями. Его труды внесли большой вклад в изучение числительных как части речи; важнейшим его достижением был исторический подход к вопросу.

Мысль о классификации частей речи по совокупности лексических (семасиологических), морфологических и синтаксических признаков, порожденная всем предыдущим развитием русской грамматической науки, нашла развитие в трудах А.А. Шахматова. Но ученый занимался числительными лишь попутно, и при определении их как части речи у него возобладали семасиологические мотивы. Так, в работе, посвященной синтаксису русского языка, в ряду порядковых, собирательных и количественных числительных оказались такие слова, как *пара, десяток,*

сотня, дважды, вдвоем, четверть, относимые по грамматическим признакам к другим частям речи [Шахматов, 1952:192].

Другим путем пошли в классификации частей речи представители морфологической («формальной») школы в русской грамматической науке. Основанием при выделении частей речи для представителей данного направления являлась специфика словоизменения. Естественно, что и числительные заняли в этой системе иное место. Применительно к русскому языку эти идеи разработал в ранний период своей деятельности профессор М. Н. Петерсон. «При делении слов на имеющие формы словоизменения и не имеющие таковых, количественные числительные оказываются у исследователя в группе падежных слов, а порядковые - в группе самостоятельных родовых слов» [Петерсон, 1955:24].

Следует отметить, что при классификации слов по значению в группу падежных слов, обозначающих количество, вносятся слова *пять, десять, сто, тысяча, множество*, а слова *один, два, три, четыре* не упоминаются ни здесь, ни в другом месте.

Положительным моментом у представителей формального направления является пристальное внимание к форме слова, позволившее заметить многие существенные специфические черты различных частей речи, в том числе и числительных. Но числительные в этой школе не рассматривались как особая часть речи, что мешало выяснению некоторых их общих свойств, поскольку единственным критерием выделения частей речи оказывались формы словоизменения.

А.М. Пешковский понимал невозможность отсечения форм словоизменения от всех прочих особенностей слов. Представляя собой компромисс между общепринятой схемой деления частей речи и формально-грамматическими классами, классификация ученого не признает за числительными права именоваться частью речи. Количественные числительные (от *двух* до *ста*) входят в состав существительных, причем А.М. Пешковский отмечает их «важные особенности в склонении и в син-

таксическом употреблении» и делает ряд интересных наблюдений над этими особенностями [Пешковский, 1956:62].

Л.В. Щербав своей известной статье о частях речи справедливо относит порядковые слова в разряд прилагательных и отмечает, что «особой категорией приходится признать слова количественные»[Щерба, 1957:73]. Важнейшим признаком числительных Лев Владимирович считает особые их сочетания с существительными. Любопытно его справедливое указание на необоснованность смешения числительного с существительным, интересны также его наблюдения над порядковыми числительными и над словом *тысяча*. Несмотря на отдельные недостатки, работа Л.В. Щербы оказала существенное влияние на русскую грамматическую традицию.

В работах В.В. Виноградова вопрос о выделении числительного как особой части речи считается решенным, но ученый подробно анализирует вопрос о составе данной части речи. В.В. Виноградов писал облизости порядковых числительных и относительных прилагательных, т.к. «понятие качественно-относительного признака, выражаемого категорией имен прилагательных, не ограничивается только кругом чисто предметных отношений. Категория предмета без остатка стирается и поглощается в смысловой структуре имени прилагательного. Поэтому-то и возможно образование прилагательных от обстоятельственных наречий. Тем более естественны типы прилагательных со значением числового отношения» [Виноградов, 1972: 193].

Характеристика числительного как части речи, данная в труде академика В.В. Виноградова, представляется наиболее обоснованной и глубокой. В.В. Виноградов подчеркивает усиливающуюся в истории русского языка абстрактность этих слов, отсутствие грамматического рода в большинстве количественных числительных; отмечает противопоставление прямых и косвенных падежей в их склонении и специфические особенности в сочетаниях с существительными; указывает на множественность и раздробленность типов словоизменения. В результате подробного анализа

фактов языка ученый приходит к обоснованному выводу, что к категории числительных относятся количественные числительные от *одного* до *тысячи* (причем в крайних членах этого ряда с признаками числительных совмещаются признаки местоимения (*один*) и существительного (*тысяча*)), а также собирательно-разделительные числительные (*двое, четверо* и т. д.).

Кроме того, «в категорию числительных входят также слова, обозначающие неопределенное количество: *сколько, столько, несколько, много, немного*, и в основной форме слова: *мало, достаточно*». Порядковые числительные В.В. Виноградов с полным основанием определяет как относительные прилагательные [Виноградов, 1972: 38].

Данный подход получил продолжение в связи с развитием учения о гибридности в системе частей речи. Так, В.В. Бабайцев рассматривает порядковые слова как слова гибридного (синкретичного) вида, поскольку у них присутствуют дифференциальные признаки разных частей речи (в случае порядковых слов - числительных и прилагательных). Вот почему, по мнению лингвиста, их необходимо отнести к своеобразной гибридной части речи [Бабайцева 2005: 167].

А.Е. Супрун, рассматривая категорию числительных в русском и других славянских языках, утверждает, что их необходимо относить к прилагательным, т.к. их объединяет с прилагательными одинаковый тип склонения, характер их связи с существительным и синтаксическая роль согласованного определения, совпадение способов образования [Супрун 1969: 20].

Если рассмотреть грамматические учения XIX и начала XX в., то нельзя не отметить, что, несмотря на различные точки зрения и различную полноту учета фактов, несмотря на различный подход к изучению фактов языка, представители всех направлений, так или иначе вынуждены были выделять числительные в составе частей речи. «Дело в том, что семантические и грамматические особенности числительных были чересчур явными. Этот факт обратил внимание языковедов уже в советское время к

изучению специфических особенностей числительных, а вместе с тем привела к всеобщему признанию числительных как особой части речи» [Супрун, 1964:16].

«Число функционирует в предложении в качестве существительных и прилагательных, то есть числительные занимают синтаксические функции названных частей речи. Таким образом, в предложении числительное может служить в качестве субъекта, атрибута объекта, предикативного дополнения или наречного модификатора. В их количественно-номинативной функции числительные связаны либо с количеством, либо с порядком референтов. В лингвистике, порядковые номера являются слова, представляющие положение» [Шагиахметова, 2019:25].

Л.Д. Челнокова составила схему, в которой разделяет категорию количества на единичность и множество, а единичность подразделяется на определённую, множество – на определённое, неопределённое и приблизительное [Челнокова, 2007:45].

В отличие от русского языка в счётной системе китайского языка существует своеобразный разряд слов, принадлежащих числительным. Они называются счётными словами, например, в китайском языке не существует такого выражения «три яблока» (三个苹果, обязательно и принято добавить слово «个» (штука) после числа «три»). Число в китайской лингвистической литературе считается способом выражения. Китайские учёные определяют данное понятие последующими аспектами: квалификация категории количества, категория количества в широком и узком смысле, способы выражения категории количества. Но иногда путают понятие категории количества и численности. В китайском языке количество пишется как «数量», где первый иероглиф означает число, а второй – величину. Таким образом, словообразование китайского языка свидетельствует о том, что данное понятие имеет две ключевые составные части.

В целях достижения цели настоящей работы, раскроем происхождение китайских чисел. В китайской истории по данной проблеме имеются различные версии. Современный учёный ГоМожо полагает, что в древности люди выражают количество с помощью рук, так что постепенно формируются китайские цифры. По его мнению, число производилось от образа рук. В древнем китайском языке иероглифы, обозначающие числа один, два, три, четыре представляют пальцы рук. Специалисты находят причину горизонтального написания числовых иероглифов в том, что во время подсчёта бессознательно тянут правую ладонь, потом опрокинутый большой палец обозначает число один, указательный палец – два, средний палец – три и безымянный палец – четыре. «Когда выражают числа посредством пальцев, люди обычно опрокидывают пальцы, поэтому принято горизонтально писать числовые письменности» [Цзя, 2015].

У китайского языка особая грамматическая система. Числительные обычно употребляются в сочетании с существительными, называющими объекты счёта путём счётных слов, которые выражают значение величины. Так что внимание китайцев обращено к различию между числом и величиной, составляющими вместе понятие о количестве.

Необходимо отметить, что вопрос о соотношении понятий число и числительное долгое время вызывал много дискуссий и решался неоднозначно. В частности, представителей разных направлений в языкознании интересовал вопрос об их частеречном статусе. В настоящее время принято единое мнение, согласно которому числительные являются самостоятельной частью речи и дают наглядное представление о системе счёта, принятой в данном языке и культуре, выполняя при этом двойную функцию: указывают на число, которое обозначают, и дают характеристику объекта, входящего в систему счёта. Имя числительное – это центр выражения категории количества в современном русском языке и тельные – специальные слова, называющие числа в отвлечении от предметов, что и позволяет передать высшую степень абстрактности в представлении

количества. В русском языке имя числительное представляет собой часть речи, обозначающую отвлечённые числа, количество предметов или порядок предметов при счёте, а в китайском языке у числительного нет изменений по родам, числам и падежам.

1.3 Цифровая символика как отражение культурных коннотаций

Цифровая символика относится к культурной ассоциации, то есть символическое значение цифр не определяется лексическим, грамматическим значением или стилистикой. Своим возникновением такая символика обязана имплицитной культурной коннотации, которая отражает как мировоззрение, так и особенности языковой традиции.

«В цифровой культуре существует много магических цифр. Некоторые из них выражают горе и счастье, некоторые имеют другие аллегории и символическое значение. Именно поэтому в межкультурной коммуникации необходимо внимание к использованию цифр» [Ху Вэнчжун, 1994:152]. «Овладение цифровой культурой разных народов поможет человеку избавиться от психологических помех в языковой коммуникации, будет способствовать тому, чтобы коммуникация осуществлялась удачно» [Ван Хунци, 1993:165].

Существенное отличие русского и китайского языков заключается в присущей китайскому языку категории счетного слова, которая отсутствует во многих языках мира, в том числе и в русском. Идея единичности в китайском языке получила свое выражение в виде числительного «один» (счетное слово) либо только в виде счетных слов, точнее, счетное слово обязательно. Поэтому когда китайские специалисты переводят числительное, они часто по привычке добавляют лишние слова. Например: -支笔、-本书、-辆车... (支、本、辆 ...является счетным словом, отсюда нельзя сокращать). Одна (-) ручка (笔), одна (-) книга (书), одна (-) машина (车)... (часто без

счетного слова). И в связи с этим надо уметь целесообразно сократить счетное слово при переводе с китайского на русский язык. Одним словом, в процессе перевода люди часто опираются на привычную им схему родного языка, это важно учитывать, чтобы добиться максимально точного перевода на русский язык [Ян, Ма, 2018:47].

«Цифра сама по себе не имеет загадочных сил или маркированной окраски, но в истории постепенно возникал фетиш из цифры» [Новичкова, 1984:44].

«Специалисты отмечают религиозные причины благоговения перед цифрами в разных культурах» [Мэн Цинжун, 2008:11]. Существовала теория о том, что все вещи имеют душу, поэтому цифры, как все вещи, имеют священное значение и чудесные силы, на чем основываются особые цифровые обычаи и культура. Загадочная цифровая символика в коммуникации воплощается в преклонении перед цифрами или боязни их. Цифровая культура (обычай) широко представлена в разных странах мира и имеет свои особенности.

Основным в квантитативном культурном коде является число, которое, как универсальный концепт и константа культуры, активно преломляется в таком языковом материале, как фразеология. Числовой компонент в языковой картине мира играет определяющую роль в процессе символического формирования значения через призму фразеологических единиц и проявляет связь с мифологическими и символическими понятиями в культуре. Число знаменует божественный порядок, является магическим ключом к пониманию космической гармонии.

Цифрам издавна придавали сакральное значение, приписывали скрытый смысл и магическую возможность влияния на человека, и окружающую среду. Как отмечает Д.А. Шеппинг, «Кольцо, круг, змея, кусающая свой хвост, прообраз нуля, служили кабалистическими знаками Вечности и Бесконечности» [Шеппинг, 1893:11]. Цифра, лишенная всякой

материальной формы, считалась удаленно-творческой силой Божества без начала и конца.

В народном представлении магические числа – знаковые загадочные числа, которые обозначают счастливое (или несчастливое) количество чего-либо. Один – цифровое обозначение, которое интерпретируется как всеобщий центр, от которого в определенной степени противопоставлены левый / правый, верх / низ; Солнце – центр мира, Бог. Единица – единственное высокое, бесконечное Божество вселенной. Компонент один соотносится с количественным культурным кодом через призму фразеологических единиц: *номер один* – «главный, самый большой»; *один на один* – «наедине с кем-то». Во фразеологии функционируют числа с компонентом первый: *первая скрипка* – «основная роль в чем-нибудь». Лексема *первый* символизировала начало и источник всего живого, следовательно, символ Творца неба и земли. В русской фразеологии зафиксированы фразеологические единицы, например, *первый блин комом* с семей «первая попытка, которая оказалась неудачной». Подразумевается, что «результат первой самостоятельной работы или дела, как правило, оказывается несовершенным» [Большой фразеологический словарь русского языка, 2006:513].

В математике два является сочетанием двух отдельных единиц или делением единицы на две половины. Дуализм – раздвоение, противоположность, борьба, начало и конец, добро и зло, жизнь и смерть. Диада – союз мужского и женского творческих элементов. Выявлены такие фразеологические единицы с компонентом два в значении количества: на два фронта – «одновременно в двух направлениях»; в двух шагах – «совсем близко».

Число три стало ритуальным с приходом христианства (Святая Троица) и символизирует совершенство. В фольклоре известны три сказочные дороги на выбор, в обрядах на третий день хоронят и поминают покойника; апостол Петр трижды отрекся от своего Учителя, три царя принесли новорожденному

Мессии три дара. В христианской символике мистическое и магическое число три является выражением неба, земли и ада; прошлого, настоящего и будущего. Во всем мире сверху и донизу «царит закон тройственности в силе, уме и материи; в мысли, слове и действии; в духе, душе и теле; в Божестве, человеке и природе» [Шеппинг, 1893:3]. Во временных рамках завершение любого действия происходит только после третьего повтора. Магия числа три сохранилась и в повседневной жизни всех европейских народов. В восточнославянских языках функционируют фразеологические единицы с компонентом три (третий): до третьих петухов; после третьих петухов; в три погибели.

Четыре – цифра видимого мира, итог всего созданного, символ вечного и неблагоприятного. Это же количество сторон света и времен года указывают на измерение пространства и времени (например, иди на все четыре стороны). Четыре стихии – воздух, огонь, вода и земля отвечают «иероглифичным изображениям: орла, льва, быка и ангела, которые перешли со временем к атрибутам четырех Евангелистов» [Шеппинг, 1893:4].

Ритуальное с древнейшего времени число *семь* встречаем в народных обрядах (*в свадебном обряде – семь каравайниц, на каравай вода берется из семи колодцев, молоко семерых коров*). Неделя имеет семь дней, каждый из них чем-то отмечен в народном быту. Господь создал землю за шесть дней, а на седьмой отдыхал от труда. Семь (3+4) – самое благое и самое высокое число в кабалистике. Оно знаменует соединение Творца и творения, духа и плоти. Компонент *семь* является продуктивным во фразеологии. Сказочный мотив отражен во фразеологической единице *под семью замками* со словами *держат, прята* с полисемантической интерпретацией [Большой фразеологический словарь русского языка, 2006:204].

Число *семь* – символ земледельческого труда и отдыха: *до седьмого пота*. Вера человека в существование не одного неба, седьмого – неба благодати – отразилась языковой картине мира: *на седьмом небе* – «радостный, безмерно счастливый». Кроме того, зафиксированы ФЕ с

компонентом *семь*, который соотносится с квантитативным культурным кодом: *всем по семь*; *за семь верст киселя хлебать*; *до седьмого (десятого, третьего) колена*; *сдирать (снимать, бить, лупить) шкуру (три шкуры, семь шкур)*.

В структуре русской картины мира также зафиксированы компоненты-квантитативы *девять*, *десять*, *тринадцать*. «Девять – количественный признак большой влиятельной силы. Число связано со вторым поклоном души Богу на девятый день после смерти человека. В культуре славян цифра девять связана со сказочным мотивом для обозначения далекого места нахождения: *за тридевять земель*. Десять – ритуальное число в еврейском мировоззрении – десятое небо. Это сумма первых четырех чисел, число, сочетающее начала: божественное и материальное в одну новую единицу» [Шеппинг, 1893:7]. Во фразеологии выявлен компонент *десять*, с интерпретацией «не совсем важное»: *десятая вода на киселе*; *десятая спица в колесе*; *пятое через десятое*. *Тринадцать* – символизирует несчастливое число, имеющее непосредственную связь с нечистыми силами: *чертово число*, *чертова дюжина* – «тринадцать». Кроме основных чисел, символизированными стали и другие числовые компоненты русской языковой картины: *тридцать серебряников* – «денежное вознаграждение за предательство» (происходит из Библейского сюжета); *в двадцать четыре часа* – «за короткое время, немедленно» и др.

Национальная фразеология является той системой, в которой в наибольшей степени отражается неповторимость образного склада мышления народа при интерпретации мира. Как отмечает О. А. Корнилов, фразеологические единицы «могут не только отражать универсальность общечеловеческого жизненного опыта безотносительно к этническим особенностям, но и отражать национально-специфические акценты осмысления бытия» [Корнилов, 2005:11]. Однако сопоставительное изучение фразеологических фондов разных языков таит в себе трудности, которые заключаются в несовпадении или в частичном совпадении семантических

инвариантов фразеологических единиц. Так, при сопоставлении русской и китайской фразеологических систем исследователь сталкивается со сложностями, которые обусловлены несколькими причинами: различиями в типологическом строе русского и китайского языков, ролью этимологии для адекватного восприятия фразеологической единицы и др.

Исходя из механизмов восприятия чужой культуры, нельзя не согласиться с тем, что наиболее закрытым для человека другой культуры является знаковый, эталонный, символический характер системных качеств предметов, доступный только носителю соответствующей национальной культуры. Не случайно одним из актуальных направлений межкультурных исследований в области фразеологии является изучение различных полей, связанных с кодами культуры: пространственных, временных, числовых, зооморфных и т.д. Сопоставление данных полей позволяет увидеть признаки, используемые при выборе эталона сравнения носителями разных языков и культур, выявить сходства и различия, оттенки значений у фразеологических единиц двух неродственных языков, объяснить эти расхождения сквозь призму картины мира носителей этих языков.

В русской и китайской языковой культуре имеются свои различия, которые необходимо рассмотреть в следующем разделе.

1.4. Культурные коннотации обозначения чисел в межкультурной коммуникации

Этнические и религиозные проблемы в Центральной Азии очень серьезные. Особенно распространенное явление – смешение разных наций. «В процессе межкультурной коммуникации религиозные или культурные ошибки недопустимы, эти культурные конфликты в значительной степени влияют на совместное экономическое сотрудничество и обмен культурами между Китаем и другими странами» [Юецинь, 2015:7].

Язык – носитель культуры, так как именно с помощью языка она передается из поколения в поколение. Различные регионы имеют свои собственные уникальные региональные культуры. «Региональная культура положительно влияет на экономику региона, придавая долгосрочный и стабильный импульс ее развитию. На сегодняшний день корпоративная культура, бизнес-культура и культура потребления постепенно получают все большее общественное признание. Успех предприятий как основных субъектов экономики и бизнеса сильно зависит от культурного развития и культурных коммуникаций» [Синтао, 2014:6].

Рассмотрим понятие «коммуникация». Существует множество определений данного понятия, однако наиболее соответствующим тематике данной работы представляется определение С.В. Бориснева, где под коммуникацией он понимает социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по различным каналам с помощью разных средств коммуникации [Бориснев, 2003:14].

Трансакция - единица общения между людьми, коммуникативный факт. Специалистами выделено три вида коммуникаций:

1. Фронтальная коммуникация - вид коммуникации, при которой трансакции идут в одном направлении от говорящего ко многим слушающим, по принципу «один говорит - остальные молчат». Если, например, во время занятия студент задаёт преподавателю вопрос, то при этом между студентом и преподавателем может возникнуть диалог, но вид коммуникации остаётся фронтальным, так как в то время, когда один из них говорит, принцип «один говорит - остальные молчат» сохраняется.

2. Диалог – это вид коммуникации, при которой трансакции идут в обоих направлениях между двумя собеседниками.

3. Опосредованная коммуникация — вид коммуникации, при которой трансакции идут в обоих направлениях через информацию,

зафиксированную в каком-либо виде, например, через текст, звуко- или видеозапись, рисунок или схему [Бориснев, 2003:14].

В современной методике обучения иностранным языкам владение и процесс овладения иноязычной коммуникативной деятельностью понимается как межкультурная коммуникация.

В своей работе мы будем придерживаться следующего определения межкультурной коммуникации, поскольку оно представляется нам наиболее полным: «Межкультурная коммуникация есть совокупность специфических процессов взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам и языкам. Она проходит между партнерами по взаимодействию, которые не только принадлежат к разным культурам, но при этом осознают тот факт, что каждый из них является «другим» и каждый воспринимает чужеродность «партнера» [Гизатуллина, 2019].

В соответствии с требованиями межкультурного общения следует подчеркнуть, что в процессе обучения иностранному языку необходимо [Головлева, 2008]:

- расширять «индивидуальную картину мира» обучающегося за счет приобщения к языковой картине мира носителей изучаемого языка;
- помогать учащимся овладевать социокультурными знаниями;
- способствовать пониманию и усвоению учащимися чужого образа жизни / поведения.

Под влиянием региональной культуры и других факторов формируются относительно стабильные, но совершенно разные традиции и обычаи наций. Вне языка культура становится просто невозможной – язык образует ее фундамент, с его помощью люди передают и фиксируют символы (буквы), нормы, обычаи, передают информацию, научные знания и тенденции поведения.

«У программы «Один пояс – один путь» большая география. В странах-участниках используются многочисленные языки, которые имеют свои

системы познания, позволяющие носителям общаться друг с другом. Однако не только в этом заключается назначение языка» [Шао, 2017].

Язык – кладовая, копилка культуры, так как все знания, умения, материальные и духовные ценности, накопленные тем или иным народом, хранятся в его системе – фольклоре, книгах, в устной и письменной речи. В межкультурной коммуникации особый упор надо сделать на исследование языков и культур. Данные свидетельствуют, что на этапе развития экономических инфраструктур появилось много взаимовыгодных проектов. Но некоторые из них завершились неудачно, так как экономическое сотрудничество происходило без понимания общего языка и признания культуры. Отсутствие культурного взаимодействия между странами, а точнее между народами, мешает достичь желаемых результатов.

В связи с этим, культурные коннотации обозначения чисел в межкультурной коммуникации приобретают особое значение. Например, в китайской культурной традиции очень значимым явлением считается нумерология. В силу рациональности человеческого сознания, в древнем Китае числовой ряд от единицы до десяти имел положительную коннотацию, обусловленную сакральными функциями. Тем не менее, современные китайцы отдают предпочтение определенным числам, являющимся благопожелательными символами - богатства (восемь *fa*), удачи (шесть *liu*), долголетия (девять *jiu*). Смысл благопожелательной формулы строится по принципу омонимии [Лингвистика в эпоху глобализации, 2018].

В основе нравственно-этической модели китайцев лежат конфуцианские идеалы гармоничного государства, семьи и человека, поэтому поведенческие нормы регулируются конфуцианскими концептами: гуманности, справедливости, сыновней почтительности, преданности. Традиционные ценности, выражающиеся в уважении к старшим и строгом соблюдении семейной иерархии, все еще прочно укоренены в общественном сознании китайцев.

Идеологические и эстетические основы китайской культуры, в отличие от европейской, характеризуются консерватизмом, необыкновенной устойчивостью и силой традиций. Преемственная связь с прошлым прослеживается через всю историю Китая, являясь специфической чертой китайской культуры.

При межкультурной коммуникации на поверхности бытия человека в культуре лежит язык. При этом, как отмечает Ван Хуа, отражение культуры находится не только в китайских и русских традициях, верованиях, общественных ценностях, но и в языке. Язык является носителем культуры народа и важнейшим средством коммуникации, в том числе и межкультурной [Ван Хуа, 2012:12].

Понятие «культурной коннотации» включает в себя сопутствующее значение языковой единицы, которое может отразить культурные традиции общества. Культурная коннотация включает в себя дополнительные семантические и стилистические элементы, которые устойчиво связаны с основным значением в сознании носителей языка. Например, у носителей русского языка слово «лиса» имеет коннотацию с хитростью и лукавством, хотя понятно, что эти признаки несущественны для данного класса животных и в его дефиницию не входят. То же самое можно говорить и о числовых коннотациях, которые представляют собой разновидность прагматической информации, отражающей не сами предметы или явления, а определенное отношение к ним.

Цифры являются одним из самых частых средств, которые описывают мир и жизнь человечества. Они цифры связываются с развитием цивилизации разных наций. Цифры имеют количественные смыслы и сверхколичественные значения. Некоторые цифры представляют собой символ счастья, а некоторые представляют собой предзнаменование бед, поэтому люди относятся к цифрам по-разному. По причине существования разной традиционной культуры, религии, языковой привычки в культуре цифр каждые цифры имеют свои особенности своих наций [Цзян, 2014:549].

Например, русские любят цифру «семь» и считают ее святой цифрой, а китайцы любят «девять» и считают ее символом самого высокого авторитета [Сюй, 2014:49]. В современном русском языке «один» — слово многозначное. Слово «один» обычно употребляется в качестве имени прилагательного, определенного и неопределенного местоимения; постоянно развивало свои коннотативные значения.

Чаще всего такое употребление встречается в поговорках, пословицах, и устойчивых выражениях: «Может, о себе подумала тоже ведь жила одна как перст», тут слово «одна» выражает одиночество и единичность. А в выражении «Одним миром мазаны» слово «один» обозначает «одинаковость». Кроме того, в пословицах «Один с сошкой, семеро с ложкой», «Один в поле не воин», «Семеро одного не ждут». Здесь слово «один» обозначает «меньшинство», «слишком малое количество».

Как нам известно, «один» это начальное число в счетной системе. Исчисление обычно начинается со слова «один», или «первый». Поэтому слово «первый» как порядковое играет важную роль в языке. «Первый» всегда находится впереди всех, поэтому что-то первое всегда считается самым главным и самым важным.

Носители китайского языка полагают, что цивилизация началась с письменного языка, письменный язык цифр начался с цифры «один». В древности китайские философы посчитали, что «один»- источник каждого существа, и дали ей очень внушительное имя «Тайджи», которое означает «самая большая и беспредельная». Фактически, она является неким примитивным безымянным элементом, который формировал Вселенную. И благодаря «Тайджи» появились небо и земля, солнце и луна, в то же самое время, т.н. Инь и янь (мужское и женское начало), а также люди, животные и растения. В «Современном китайском словаре» только три китайских иероглифа, который пишет одной чертой. Иероглиф «-». В «Шовэне» («Книга о китайских иероглифах») так написано о числе «один»: «Один»-

начало первоначального вселенного. Из «один» рождаются небо и земля, потом все они развиваются во все существа» [Современный китайский словарь].

У. Гохуа сравнивает коннотативную лексику русского и китайского языков, выделяя в ней следующие пласты [Гохуа, 1995]:

1. Эквивалентная коннотативная лексика. Лексика, отражающая интернациональные тенденции, имеет тождественную социальную и эмоциональную значимость в двух языках (например, голубь одинаково символизирует мир, а радуга – радость и надежду).

2. Соответственная лексика с коннотативными значениями только в одной культуре. Лексика, обозначающая предметы в двух культурах, но имеющая эмоциональные и эстетические коннотации только в одной народной культуре. Иными словами это то, что имеет определенное значение для одной культуры, но не имеет коннотационного единства для другой [Гохуа 2002: 9].

3. Соответственная лексика с частично разными коннотативными значениями. В этот тип объединяют единицы, обозначающие понятия, которые есть в двух культурах, но при этом лексические единицы обладают частично различающейся эмоциональной значимостью.

4. Соответственная лексика с различными, зачастую обратными коннотативными значениями. Подобная символика отражает национальное своеобразие, выражает отношение людей к окружающему миру. Ива у русских ассоциируется с печалью, а у китайцев 柳树 liǔshù – с тишиной, спокойным счастьем.

5. Безэквивалентная коннотативная лексика. Лексика, отражающая национальные тенденции, обладающая яркой национальной спецификой. Безэквивалентная лексика – это лексика, обозначающая предметы, которые присутствуют в одной культуре и отсутствуют в другой, и обладающая яркой национальной спецификой [Гохуа 2002: 2].

Таким образом, исходя из вышеизложенных пяти вариантов сходств или различий русских и китайских лексических единиц, можно сделать вывод, что своеобразие лексики, отражающей национальную культуру, заключается как в своеобразии реалий, так и в специфике культурных коннотаций. Лексика, отражающая национальную культуру в русском и китайском языках, непосредственно и прямо отражает внеязыковую действительность, фиксирует и передает от поколения к поколению особенности природы, обычаи, отношение людей к окружающему миру, общественное устройство разных стран. Поэтому для того чтобы овладеть в совершенстве иностранным языком, надо уделять особое внимание кумулятивной функции языка наряду с усвоением знаний лингвострановедческого характера.

ГЛАВА 2 СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦИФРОВОЙ СИМВОЛИКИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Во второй главе настоящего исследования проведем сопоставительный анализ следующих цифр 1, 2, 3, 5, 7, 9, 13. При этом следует отметить, что среди всего многообразия числовых закономерностей, которые можно наблюдать в окружающем мире, наибольшее значение придают числам первого десятка и лишь некоторым из первой сотни. В связи с этим, автором работы выбраны указанные примеры цифровой символики как наиболее значимые для носителей русского и китайского языка цифры, встречающиеся в словарях и поговорках русского и китайского народов.

2.1. Сопоставление числа «один» в русской и китайской идиоматике

История числа «один» берёт своё начало в философии греков, римлян и конфуцианцев. Графическое изображение «единицы» в виде прямой черты позволяет представить реализацию двуединого образа вещи, обозначающего её целостность, в виде двух скрещённых чёрточек. Отсюда, видимо, и берёт своё начало понятие «крест», являющийся символом вечности и Вселенной [Словарь символов 1999: 84].

Система концепта числа «один» в русском языке включает в себя следующие метафорические значения:

- убогости, бедности: *В семи дворах один топор; Живем хорошо: два кваса наладили, один как вода, другой еще пожире; В лес идут, а на троих один топор берут.* [Даль 1957: 90];
- одинаковости или уравнения: *Одна смерть правдива. На всех одна смерть* [Даль 1957: 286];
- заботы: *Одной собирай, другую раздавай* [Даль 1957: 107];

- идея исключительности, непохожести на других: *Все равны бобры, один я соболек; Все люди как люди, один черт в колпаке.*
- ответственность коллектива за поступки одного человека: *Дурак один рождается — всему свету беда; Один в грехе, а все в ответе; Один глупый камень в море бросит, а сто умных не вынут.*
- значение неудачи имеют ФЕ со словами *один ипервый*: *Первыйблин, да комом; Однакорка, да и той подавился* [Даль 1957: 60].
- ценность отваги: *Один воин десять рот водит; Один воин тысячи водит; Один волк гоняет овец полк.*
- ценность коллектива: *Один и дома горюет, а двое и в поле воют; Один и камень не сдвинешь, а артельно и гору поднимаешь; Дружно — не грузно, а один и у каши загинет; Где два, там не один.*
- дружба, взаимовыручка: *Все за одного — один за всех; Один в поле не воин.*
- фатализм: *Один раз мать родила, один раз и умирать; Семь бед — один ответ; Так ли, сяк ли — уж один конец.*
- один проступок может испортить репутацию: *Один раз украл, а навек вором стал; Один грешок — и тот с мешок; От добра до худа один шагжок.*
- много советчиков, а работник один: *Один на низу, семь на возу кричат: «Не заваливай!»; Один пашет, а семеро руками машут;*
- единственный кормилец: *Один с сошкой, а семеро с ложкой.*

В Приложении А представлены фразеологизмы с числительным «один».

Названные смысловые понятия являются архетипическим вариантом семантики русской лексемы «один». Как отмечает В.А. Лукин, «он удостоверяет отношения изоморфизма и современной семантики слова, привнося в неё иррациональный отблеск пралогического мышления» [Лукин 1995: 305]. В этой иррациональности кроется максимум изобразительных возможностей, позволяющих, с одной стороны, описать при помощи архетипических значений все остальные, имеющиеся у лексемы «один», и, с

другой, быть ансамблю значений единичности, тождества, единственности причиной и основой числа «один» и тем самым концепта числа вообще.

Изучая современные словари, следует отметить, что «один» истолкована через следующие лексемы, которые приводятся в порядке их активности: в одиночестве, отдельный, единственный, чрезвычайный, определенный, первый, каждый, одинаковый, единый, неделимый, целостный, некий [Ефремова, 2000; Толковый словообразовательный словарь русского языка, 2004; Русский толковый словарь, 2002; Современный толковый словарь русского языка, 2003].

Проанализируем семантику числа «один» в китайском языке, рассматривая сначала современное толкование иероглифа [Китайско-русский словарь, 2010:678]. Для иероглифа «один» характерны следующие значения:

数名, 最小的正整数 – «числительное количество, единица».

纯, 专: 专~一, 一'心一意 – «особенно, исключительно, только, например, целиком сосредоточиться на чем; всей душой».

全, 满: 一'生, 一'地水 – «весь, полный, например, всю жизнь».

相同的: 一样白勺, 颜色不一一 – «тот же самый, тождественный, например, одинаковый, не тождественный цвет».

另外的: 工作是一回事儿, 玩又是另一回事儿 - какой-нибудь в ряду сходных или сопоставляемых друг с другом, например, одно дело работать - другое гулять.

表示动作短暂, 或是一次, 或具有试探性: 算一算, 试一试'-
выражает короткое действие, или действие совершенное один раз.

部分联成整体: 统一, 各种方言融合成一种语言'- части составляют целое, например, единый; наречия слились в один язык,.

初次: 一见如故 - первый раз, например, подружиться с первой встречи.

Уже в 3 и 4 веках до нашей эры в трудах китайских ученых отмечена семантика иероглифа «один» и в современном китайском языке это значение сохранено. ЛаоЦзы объяснил смысл понятия Дао с помощью иероглифа «один», подчеркивая связь числового иероглифа один с Дао. Автор написал: «道生一, 一生二, 二生三, 三生万物, 万物负阴而抱阳, 冲气以为和。人之所恶, 唯孤、寡、不古, 而王公以为称。故物或损之而益, 或益之而损。人之所教, 我亦教之。强梁者不得其死, 吾将以为教父» [Лао-цзы, 2012:6].

В другой древней работе 700 г. до н.э. - в Книге перемен 易经[И цзин], по мнению автора 周文王[Чжоу Вэньван], число один означает небо, а два - землю [ЮйЧуньхайИцзин, 2006:20].

В древней литературе «один» - начало всего сущего и его нельзя выразить словами. СюйШэнь объяснил семантику числовых иероглифов, которая неразрывно связана с идеей образования мира, автором словаря с позиции даосизма не только объясняется числовое значение один, два и три, но и с точки зрения даосизма выясняет скрытый философский смысл чисел.

Се Гуанхуй в «Этимологическом словаре китайских иероглифов» о происхождении древнего китайского иероглифа 壹 «один» написал: «形声字篆书壶表意, 以水壶藏液体而不泄漏表示专一而不涣散; 吉表声, 表示吉祥幸福需心智专一地追求才能得到本义专一后用作数字‘一’的大写» [Се Гуанхуй, 2000:538]. Семантический объем иероглифа 壹 «один» включил в себя значение «сосредоточение», позже в нем развились значения «один, единица», и он начал употребляться как числовое выражение — «один».

Отметим, что в русском языке в выражении *закон един*, наблюдается совпадение с семантикой китайского числового иероглифа – «один». Однако в отличие от китайского языка, где смысл концентрируется в одном иероглифе, в русском языке произошло расщепление некогда единого смысла. Так, русская лексема закон восходит к праславянскому «закон», которое образовано с помощью приставки *za* «за-» от **konb* «предел, начало.

Первоначально лексема закон совмещала два противоположных смысла: «то, с чего все начинается, и то, чем все кончается». Совмещение двух противоположных значений в одном и том же корне (начало и конец) обнаруживается во фразеологических оборотах и пословицах: *без начала, без конца*. О.Н. Трубачев предположил наличие у слова закон семантики «установления, регламентации поведения, обязательств, главным образом между людьми», что также перекликается с семантикой китайского иероглифического знака – «один» [Трубачев 1990].

Значения числительного «один» в китайском и русском языках представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнение значений числа «один» в китайском и русском языках

Значения в китайском языке	Значения в русском языке
1. 数名, 最小的正整数 числительное, количество	числительное, количество
2. 纯, 专: 专一, 一心一意 ‘особенно1	единственный
3. 全, 满: 一生, 一地水 ‘весь’	единство
4. 相同的: 一样的, 颜色不一 ‘тот же самый’	один в один
5. 另外的: 工作是一回事儿, 玩又是另一回事儿 ‘какой-нибудь элемент в ряду сходных или сопоставляемых друг с другом’	говорить в один голос
6. 表示动作短暂, 或是一次, 或具有试探性: 算一算, 试一试 ‘выражает короткое действие’	один раз
7. 部分联成整体: 统一, 各种方言融合成一种语言 ‘части составляют целое’	все как один
8. 初次: 一见如故 ‘первый раз’	первый раз +
9. 乃, 竟: 一至于此 ‘являться’	-

В обоих языках сохранилось:

- значение закона/дао, который порождает и регламентирует этот мир;
- значение единства (лексемы единица, единый, закон един и т.д.).

Однако со временем в русском языке некогда единый смысл числа *один* дифференцировался: значение единичности передается лексемами *один*, *одинокчество*, а значение единства - старославянскими по происхождению лексемами *единый*, *единство*.

2.2. Сопоставление фразеологизмов с числом «два» в русском и китайском языках

Дихотомия «один - много», бесспорно, одна из первых количественных дихотомий человеческого мышления, которая находит своё воплощение в различных формах. И.А. Бодуэн де Куртене считал, что только появление понятия числа «2» сделало возможным возникновение счёта и арифметики. В языковом мышлении **число** «2», как утверждает учёный, является числом высокого напряжения, поддерживаемого постоянно напоминающей о себе двойственностью, парностью и противопоставленностью как в физическом, так и в общественном и индивидуально-психическом мирах [Бодуэн де Куртене 1963: 315].

Концепт **числа** «два» в современном русском языке входит в толкование большого числа слов; другая группа слов - это лексемы **двое, пара, парочка**. В смысловую структуру этих слов входит указание «не только на количество, но и на сами объекты - это люди, чем-либо объединённые» [Новый объяснительный словарь синонимов 1997: 66]. Семантические различия между лексемами *два* и *двое* очень тонкие, причём в ряде случаев выбор между словами определяется формальными свойствами имени существительного, обозначающего считаемые объекты, ср.: *двадня, подвоесуток*. Слово *пара* указывает на то, что говорящий не настаивает на точности, ср.: *приходи, будут только родители да пара подружек*. Возможны случаи, когда данная лексема употребляется не только для указания на количество, а носит оттенок пренебрежительности, ср.: *пришлось наградить пару участников*.

Одним из синонимов **числа** *два* является слово *оба*, которое предполагает, что объекты, о которых идёт речь, уже известны адресату. Что касается собственно указания на количество, то оно лишь подразумевается, ср.: *неверно, что в университете у неё учатся оба сына* (у неё два сына, и это не отрицается; отрицается утверждение о точном количестве тех, кто учится в университете).

Как уже отмечалось, «число «**ОДИН**» как единство и всеобщность существует до появления осознания чисел, которое требует наличия способности различать отдельные дискретные сущности. Лишь число «два» составляет первое вещественное число, оно символизирует акт творения, возникновение эго из первоначального состояния единства» [Даурли 1999: 219].

Для ФЕ с числовым компонентом два в русском языке характерны такие метафорические значения:

- неопределенно большое количество времени: *Береженная вещь два века живет; Битая посуда два века живет; Доброе дело два века живет.*
- отсутствие согласия: *Два кота в одном мешке не улягутся; Два медведя в одной берлоге не улягутся.*
- бесполезность усилий: *Из одного два сделаешь — оба окоротить; Два века не изживешь, две молодости не перейдешь.*
- ценность проверенной дружбы: *Не изведен — друг, а изведен — два.*
- расточительность: *Рубль наживает, а два проживает.*
- очень близко: *В двух шагах.*
- очень быстро: *В два счета; Раз-два да и готово.*
- очень мало: *Раз-два да и обчелся.*
- затруднительность положения: *Между двух огней.*
- неопределенность положения, ситуации или характеристики предмета: *Сидеть/усидеть на двух стульях; Ни два ни полтора; Палка о двух концах.*

Следует отметить, что в русских ФЕ числовой компонент два сочетается с другими числительными: *Два и в поле воюют, а один и на печи горюет; Одна голова — два языка*(довольно частотное сочетание); *Где два дурака дерутся, там третий смотрит.*; *Единственный сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын.*

Для многих ФЕ с числовым компонентом два характерна негативная коннотация: *Есть в два горла; На два фронта.*

В Приложении Б представлены фразеологизмы русского языка с числовым компонентом *два*.

Число «два» в русском языке имеет два значения: и положительное, и отрицательное, но прежде всего, оно считается основой любых бинарных оппозиций: мужской - женский, создатель - создание и т. п.

«В русском языке числу «два» соответствуют следующие символические значения: «дух, зло, мрак, неравенство, нестабильность, подвижность, дерзость, смелость, спор, материя, несходство, разделение между множественностью и монадой, дефект, бесформенность, неопределенность, гармония, терпимость, корень, подножие горы, источник идей, мнение, ошибка, изменяемость, робость, импульс, смерть и т. д.» [Ключников, 1995].

В китайском языке есть идиомы, которые по значению синонимичны, а иногда даже полностью совпадают с русскими устойчивыми выражениями:

一模一样 (yīmúyīyàng)

Как две капли воды.

2.3. Фразеологизмы с цифрой «три» в двух языках

У большого количества народов достаточно длительное время пределом счета являлось число «три». Оно считалось обозначением полноты, совершенства: у древних греков оно являлось счастливым, а в Древнем Вавилоне начали поклоняться именно трем богам: Солнцу, Луне и Венере. Тройка стала самым любимым числом в сказках и мифах. Его магическая сила состояла в том, что оно создавалось из суммы предшествующих чисел ($3=1+2$) и обозначалось треугольником, который является символом прошлого, настоящего и будущего.

Число три имело существенное значение в магических обрядах. Различные заклинания для придания большей силы необходимо было

произносить именно три раза. В русских суевериях как отголосках народных поверий прошлого сохранилось такое символическое восприятие числа *три*: чтобы избавиться от сглаза, необходимо трижды плюнуть через левое плечо и три раза постучать по дереву, по русскому обычаю поцелуй совершается трижды. В разных легендах и преданиях сохранились действия, которые выполнялись три раза: например, успеха можно было достигнуть с третьего раза.

В легендах тоже просматривается когнитивное обозначение числа три, в виде примера приводится сказание о том, что Земля стоит на трех китах. Дух триединства проявляется в языковой картине мира, к примеру:

- а) составляющие части времени: прошлое - настоящее - будущее;
- б) трехмерное пространство: длина - ширина - высота;
- в) три ответвления жизни: животные - растения - микроорганизмы;
- г) три эпохи в истории: древний мир - средние века - современность;
- д) три основных этапа в жизни человека: молодость - зрелый период – старость и под.

Триединство в языковой картине мира проявляется в русских пословицах и поговорках при описании жизни человека: *Три друга: отец, да мать, да верная жена; В нашей волости три болести: рекрутство, подати да земщина; Трижды человек дивен бывает: рождается, женится, умирает; За три вещи не ручайся: за часы, за лошадь да за жену; В августе мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять.*

Согласно некоторым исследованиям, число три является одним из самых значимых, если не во всех, то во многих мифологических системах, оно представляет собой идеальную модель любого динамического процесса, предполагающего возникновение, развитие и упадок.

«К тройке в обоих языках особое отношение: она символизирует абсолютное совершенство и завершенность, олицетворяет решение

конфликта. Третий лишний – о ком-то неуместном в ситуации, где присутствуют двое; третье поколение - внуки, «три души» (по учению метафизиков, в человеке объединены три начала, свойственные растениям, животным и разумным существам); Бог любит троицу (посл.) - что-либо возможно или неизбежно в третий раз. Фразеологизмы с этим числовым компонентом характеризуют человека, его положение в обществе, ситуацию» [Кунин 1999].

В русском языке у ФЕ с числовым компонентом три выделяют следующие значения:

- очень много: *Наговорил/наврал с три короба.*
- очень мало: *Солдату три деньга в день, куда хочешь, туда их и день; Три деньга в день — куда хочешь, туда день; Поле в три переклика, а он гонца шлет.*
- непродуктивность усилий: *Рубит в три топора, а денежка не спора; На рубль долгу, три полтины расту.*
- неопределенность: *На всякой неделе по три пятницы.*
- очень сильно: *Согнуться в три погибели/дуги; Лить слёзы в три ручья.*
- очень много: *Драть три шкуры.*
- очень далеко: *За тридевять земель; Плавать за три моря*

Число 3 китайцы любят использовать, когда объединяют какие-то категории (3 - это символ полноты): 3 звезды: бог Богатства, бог Карьеры, бог Долголетия; 3 религии: конфуцианское учение, учение Дао и буддизм; 3 верных друга, которые не боятся холода (сосна, бамбук, цветущая слива).

В поговорках и устойчивых выражениях часто встречается число 3: сань-цзяньци-коу - держать язык за зубами; секрет; много раз; на все руки мастер и др.

2.4. Сопоставление идиом с цифрой «четыре» в фразеологической системе двух языков

«Четыре» – число, имеющее высокую символичность в разных культурах, но не очень значительное в русской, хотя «в православии это число особенно почиталось и стояло в ряду избранных чисел» [Ветловская, 1971:145]. «В эзотерике «четыре» – число очищения, чистоты и страдания, так как страдание – единственное средство очищения» [Рошаль, с. 32]. «В средневековом христианстве четверка считалась символом мира и материальных вещей и знаменовала собой статическую целостность, идеально устойчивую структуру» [Кириллин, 2000:30]. Кроме того, число *четыре* часто воспринимается как символ земного, устойчивого, что связано с понятием о четырёх сторонах света, кресте.

Количественные представления, связанные с числом *четыре*, играют значимую роль в осмыслении человеком окружающего мира. Например, четыре времени года (весна, лето, осень и зима), четыре стороны света (восток, юг, запад, север) и т. д. В трактате «И цзин» по этому поводу содержится следующая информация: «В переменах есть высшее начало (太极) = великий (изначальный) предел (до выделения сил инь - женской и ян - мужской). Оно рождает два Начала (两仪) о небе и земле, инь и ян, как о прообразах всего сущего). Два Начала рождают четыре разряда гексаграмм (四象). «Четыре разряда гексаграмм рождают восемь триграмм. Четыре разряда гексаграмм - это великая сила ян, молодой ян, великая сила инь, молодая инь, которые взаимодействуют и превращаются друг в друга: великая сила ян - молодая инь - великая сила инь - молодой ян - великая сила ян, далее делается оборот (круг), и всё начинается снова» [Ван Цзюньлон, 2015].

Следует подчеркнуть, что фоновые знания о числе *четыре* широко отражаются в китайской традиционной культуре:

– 四胡 (четырёхструнный смычковый инструмент);

- **四合院** (самобытная жилая культура в Пекине - тип традиционной китайской застройки, при котором четыре здания помещаются фасадами внутрь по сторонам прямоугольного двора);
- **四兽** четыре главных животных (в представлении древних китайцев это дракон, тигр, феникс, черепаха);
- четыре созвездия животных (для последователей натурфилософской школы инь-ян: 苍龙, 白虎, 朱鸟, 玄武) [ШаоНаньси 2009];
- **四大古都** - четыре древних столицы Китая: Лоян 洛阳, Чаньань 长安, Пекин 北京 и Нанкин 南京 **四书** = «Сышу» - «Четверокнижие»: «论语» = «Луныюй» («Беседы и суждения» - главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция), «大学» = «Дасюэ» (важное учение), «中庸» - «Чжуньюй» (учение о середине), «孟子» = «Мэнцзы» (трактат, входящий в конфуцианский канон); **四大名著**= четыре великих произведения: «Троецарствие», «Речные заводи», «Путешествие на запад» и «Сон в красном тереме»; **四库全书**= «Сыкуцюаньшу» - четыре книгохранилища: «Классики» (китайский литературный канон), «История» (исторические и географические трактаты), «Мастера» (философия, искусство, наука), «Собрания» (антологии китайской литературы);
- **四日寸**= 1) четыре времени года; 2) четыре времени суток; **四大发明**= четыре великих изобретения Китая: компас, книгопечатание, бумага, порох; **文房四宝**= четыре драгоценности рабочего кабинета (кисть 笔, тушь 墨, бумага 纸 и тушечница 砚; обр. в знач. «письменные принадлежности»);
- **四大美德**= четыре качества: почитание родителей, забота о младших, преданность и верность;

- **二从四德** = троякая покорность и четыре достоинства (добродетель, скромность в речах, женственность, трудолюбие - традиционная формула требований к женщине в древнем Китае);
- **四声**= 1) лингв. четыре тона (музыкальные ударения: а) ист., диал. 平, 上, 去, 入; б) в кит.нац. языке 阴平, 阳平, 上, 去); 2) муз. четырёхголосный;**四体** (siti) = 1) конечности; 2) братья; 3) четыре стиля [каллиграфии];**四维** (siwei) = 1) конф. четыре устоя, четыре основные добродетели (礼, 义, 廉, 耻(конф. этикет), чувство долга (справедливость), умеренность (бескорыстие), совесть); 2) четыре стороны света (северо-восток, северо-запад, юго-восток и юго-запад); 3) мат. четырёхмерный;
- **四大菜系**= четыре разновидности местной кухни с её спецификой приготовления, вкуса и т. д.:**川菜**(chuancai) — сычуаньская кухня;
- **鲁菜**(lucai) — шаньдунская кухня;
- **粤菜**(yucai) — кантонская кухня;
- **淮扬菜** (huaiyangcai) — хуайянская кухня и др.

Следует отметить особую значимость символики числа «4» в области религии:

- **四大天王** - Четыре Небесных Царя - четыре бога-хранителя (Вирудхака, Дхиртараштра, Вирупакша и их предводитель Вайшрава на), каждый из которых оберегает одну из четырех сторон света;
- **道教四不吃**-последователям даосизма запрещено есть четыре вида пищи: говядину, мясо собаки, чёрную кефаль, дикого гуся;
- **四谛** -будд. четыре благородные истины: а) страдания, неизбежно сопутствующие всякому существу; б) источник (причины) страданий; в) прекращение этих страданий; г) путь к достижению этой цели;
- **四大**-четыре великих: а) даос. дао, небо, земля и государь; б) будд. земля, вода, огонь и ветер.

Иероглиф 四 «четыре» в китайском языке входит в словосочетание 四海 (букв. 'четыре моря,), значение которого может быть истолковано с использованием квантора всеобщности: «весь мир; вселенная; вся страна; везде, повсюду». Данное словосочетание образует 11 фразеологизмов:

1) 放之四海而皆准 (букв. 'пусти его по четырём морям — и везде оно окажется точным,) «верный повсюду; универсальный, всеобщий»;

2) 九州四海 «весь Китай»;

3) 囊括四海 «единая страна»;

4) 四海波静 «всё тихо, всё спокойно»;

5) 四海承风 «все образованные в стране»;

6) 四海鼎沸 «всё беспокойно»;

7) 四海升平 «всё тихо, всё спокойно»;

8) 四海为家 «повсюду (в любом месте) находить себе дом; везде чувствовать себя как дома; жить между небом и землёй»;

9) 四海之内皆兄弟 «все люди - братья»;

10) 五湖四海 (букв. на пяти озёрах и четырёх морях,) «повсюду, повсеместно, во всех уголках»;

11) 目良空四海 «относиться с глубоким презрением ко всему; высокомерно смотреть на мир» [Синьха. Большой фразеологический словарь китайского языка; Лин Юйшань. Большой китайский фразеологический словарь; Большой китайский фразеологический словарь. Цзянсу].

В основной же своей массе китайские фразеологизмы с числительным «четыре» (в том числе в сочетании с числительным «три») обозначают следующие реалии, которые получают негативную оценку:

безвыходность положения: 狼烟四起 (букв. 'сигнальные костры со всех сторон,) «смуты, смутное время; в окружении врагов»; 四面八方 («все стороны, вся округа; всесторонний, всеобщий»); 四面楚歌 (букв. 'со всех

сторон слышатся песни чувств) «быть окружённым врагами со всех сторон; оказаться в безвыходном положении»; **危机四伏** «быть окруженным опасностью со всех сторон; везде опасность»;

что-либо неточное, неорганизованное, беспорядочное, ошибочное: **不二不四** «ни то ни сё, ни рыба ни мясо, ни на что не похожий; ни два ни полтора; вздор, чепуха»; **差三错四** ('три недочёта, четыре ошибки) «большое количество ошибок или ненадёжных данных»; **真页三倒四** «беспорядочный; неорганизованный; спутанный; бестолковый»; **丢三落四** «рассеянный; забывчивый»; **三翻四覆** «[меняться] на все лады; и так и сяк» и т. д.

В русском языке числительное четыре входит в состав лишь немногочисленных выражений: *в четырёх стенах жить* (сидеть) разг. экспрес. «1. Ни с кем не общаясь, в полном одиночестве. 2. Не выходя из помещения» [Федоров 2008]; *на все четыре стороны отпускать; уходить* и т. п. «куда угодно, куда только захочется; на свободу; с миром»; *на все четыре стороны идти* и под. «куда подальше» [Большой фразеологический словарь русского языка 2006:399]. Образ, лежащий в основе приведённых фразеологизмов, «восходит к архетипическим формам видения мира, то есть к наиболее древним формам коллективно-родового (надличностного) осознания и моделирования мира-хаоса» [Большой фразеологический словарь русского языка 2006:399].

В результате проведённого исследования выявлено, что в процессе фразеообразования числительное *четыре* - утрачивает свою количественную семантику и развивает особые образные и коннотативные значения. В частности, анализируемые китайские фразеологизмы в основном выражают отрицательную коннотацию, что, вероятно, можно объяснить совпадением в произношении иероглифов **四** «четыре» и **死** «умереть», которое и обуславливает сходство стратегий коннотирования. Кроме того, установлено, что образы, лежащие в основе русских и китайских нумеративных

фразеологизмов, обнаруживают больше различий, чем сходств, так как отражают разные коды культуры. Так, образная семантика анализируемых фразеологизмов в русском языке основана на ориентационной метафоре, «в которой отображено представление о горизонтальном членении пространства, о четырёх сторонах света» [Большой фразеологический словарь русского языка 2006:400]. Кроме того, фразеологизм *на все четыре стороныидти*, характерен для русского фольклора, в частности — для русских народных сказок, часто употребляется в ситуациях, связанных с покиданием родного дома, с выходом в «чужой, мир» [там же]. В то же время внутренняя форма китайских фразеологизмов с числительным *четыре* связана либо с натурморфной метафорой (ср. упомянутый выше образ четырёх морей, используемый для выражения семантики всеобщности, полного охвата), либо с военной метафорой, которая определяет возникновение значения безвыходности положения. Выявлено также, что китайские нумеративные фразеологизмы гораздо шире отражают этнокультурные особенности числового кода, в том числе его символические смыслы, имеющие отношение к разным областям жизни социума: философской, религиозной, бытовой и т. д.

Число *четыре* в китайском языке является символом земли. Древние китайцы считали, что земля имеет форму квадрата и каждый угол - это сторона света, Китай находится в центре квадрата (Срединное государство), а вокруг живут дикие племена. Территория императорского дворца имела форму четырехугольника, вокруг дворца были ворота (четыре). Когда император хотел встретиться с князьями, а их было тоже четверо, они входили во двор каждый через свои ворота.

Таким образом, символическая семантика числового кода как универсального феномена довольно своеобразно репрезентируется в русской и китайской фразеологии. Как языковые знаки особого рода, русские и китайские фразеологизмы с числовым компонентом, с одной стороны, могут

соотноситься со сходными фрагментами языковой картины мира, с другой - внутренняя форма фразеологизмов, включающих аналогичные числительные, может отражать разные коды культуры.

2.5. Цифровой компонент «семь» в русских и китайских идиомах

Число семь с древних времён играло важную роль в сознании Востока и Запада. Оно считалось сакральным у разных народов мира. В отличие от азиатской культуры, русская культура считает нечетные числа счастливыми. Особенно это распространяется на число *семь*.

В русском языке фразеологизм *быть / чувствовать себя на седьмом небе* выражает безграничное счастье и глубокое удовлетворение. В русском языке фразеологизмы, поговорки и пословицы с числом *семь* обычно имеют значение «много, неопределенно большое количество», например, пословица *Семь раз отмерь, один раз отрежь* означает, что перед тем как сделать, решить что-либо ответственное, серьезное, тщательное нужно несколько раз подумать. Фразеологизм *семь потов сошло* представляет человека, приложившего максимум его усилий для выполнения, осуществления чего-то; *семь пятниц на неделе* обозначает, что человек много раз изменяет свои намерения; пословица *семеро одного не ждут* обозначает, что решение принимает всегда большинство.

В пословицах и фразеологизмах с числовым компонентом *семь* выделены следующие значения:

- очень много: *семь верст до небес, семеро по лавкам сидят, у семи нянек дитя без глазу.*
- дальний родственник: *седьмая вода на киселе.*
- очень далекое, но безрезультатное путешествие: *за семь верст киселя хлебать.*
- очень далеко: *семь вёрст — не околица, околица — край деревни.*

- нечто особо ценное, что-то особо охраняемое, недоступное простым смертным: *за семью печатями*.

- под строгим присмотром; под надежной охраной: *за семью замками*, *за семью запорами*.

Не трудно заметить, что в этих фразеологизмах число «семь» выражает значение покровительства сверхъестественных сил. Символика числа семь в китайской культуре. Еще в древнем Китае было особое отношение к числам. Каждое число имело символическое значение, и было связано с особенностями мировоззрения китайцев, с китайской философией и историей.

Число семь в китайском языке звучит как «чи». Это число часто встречается в китайских фразеологизмах, народных сказках и т.д. В китайской традиции *семь* обладает символикой отрицательного значения. В китайской культуре число *семь* считается несчастливым, «злым» числом, особенно негативно относятся к дате «7 июля» (7.07). В этот день нежелательно заключать брак, считается, что если свадьбу играют седьмого июля, то это не принесёт счастья. Это поверье связывается с трагической легендой о любви пастуха и ткачихи («История пастуха и ткачихи»), ткачиха (Вега) является внучкой небесного бога. Она украдкой пришла к людям, и тайно вышла замуж за бедного пастуха (Волопаса), за что была жестоко наказана и посажена в небесную тюрьму. Ей было разрешено встречаться с мужем и детьми ежегодно только один раз седьмого июля. Теперь китайцы называют этот день «праздник влюбленных». В южном Китае в бытовой жизни считают семь не благоприятным числом. «При оформлении, покупки сим-карты покупатель обычно просят телефонный номер, не имеющий цифр 4 и 7» [Ди Я 2016].

«Число 7 встречается в выражении «7 звезд», которое имеет символическое значение - солнце, луна и пять крупных планет. Китайцы еще в древности определили 7 важных вещей, которые необходимы для жизни: хворост, зерно, масло, соль, соя, уксус, чай» [Мэн Цинжун 2008]. Число 7 в

Китае связано как с мужским началом, так и с женским. В жизни женщины китайцы выделяют 7 периодов: в 7 месяцев у девочки прорезается первый зуб, в 7 лет начинают выпадать молочные зубы. Неслучайно 7-го числа 7-го месяца по лунному календарю большой женский праздник - день любви, день встречи Небесной ткачихи и Пастуха на небе.

В похоронных обрядах китайцев число 7 занимает важное место. Китайцы считают, что на седьмой день душа усопшего поднимается на новый уровень, как на новый этап жизни, а в течение первых семи дней после смерти душа прощается с родственниками.

В китайском языке фразеологизмы с компонентом «семь» достаточно распространены. Фразеологизмы с компонентом «семь» приобретают отрицательную оценку, обозначающую «беспорядок». В китайском языке большинство фразеологизмов, которые образуют числа «семь» и «восемь», обычно подразумевают несчастье или неудачу, например:

- 七(семь)零八(восемь)落 (расстроиться);
- 七(семь)手八(восемь)脚(суматошливо);
- 七(семь)扭八(восемь)歪 (искривлённый);
- 乱七(семь)上八(восемь)下 (сердце/душа не на месте);
- 七(семь)拼八(восемь)凑 (кое-как наскрести);
- 七(семь)折八(восемь)扣(тут вычесть, да там сбросить) и т. д.

В китайской культуре число «семь» связывается со смертью, считается загадочным числом [Абабайкэжи 2017].

В народе считают седьмой месяц-июль “злым месяцем”, и по лунному календарю пятнадцатое июля традиционно называется “День мертвых”. Также легенда говорит, что в этот день беспокойная душа умершего идёт в народ просить милостыню и всё становится мрачным. Китайцы считают, что на седьмой день душа усопшего поднимается на новый уровень, как на новый этап жизни, а в течение первых семи дней после смерти душа

прощается с родственниками. Семь раз по семь дней играет большую роль в культуре мёртвых — на каждый седьмой день после смерти (до 49 дня) совершается поминовение, надо сжигать бутафорские деньги в знак приношений загробной жизни. Отметим, что частотность использования числа “семь” в китайском языке по сравнению с употреблением в русском языке не высокая. Обобщая сказанное, заметим, что символика числа “семь” в русской и китайской культурах разная. Понятие числа “семь” имеет в русской и китайской языковых культурах различные фоновые смыслы и коннотации. Исследуя символику числа семь”, мы пришли к следующим выводам: числа являются не просто выражением количества, а представляют собой определенные идеи-символы, являясь некоторым мифологическим кодом национальной языковой картины мира.

2.6. Фразеологические единицы с элементом «девять» в русском и китайском языках

Во всем Китае числа 6, 8, 9 считаются самыми счастливыми. Именно в эти дни, 6-го, 8-го, 9-го, лучше всего отправляться в путешествие, переезжать в другой дом или квартиру. Многие китайцы в эти дни отмечают радостные события, например, свадьбы. В некоторых местах Китая считают, что дарить подарки надо в таком количестве: 6, 8, 9. Уже давно в китайском языке существует поговорка «6 и 6 - во всем повезет». Символику числа 6 китайцы связывают с шестью частями человеческого тела: 2 руки, 2 ноги, голова и туловище. Также 6 является символом шести направлений в пространстве: восток, юг, запад, север, верх, низ; символом шести видов человеческих эмоций: радость, веселье, любовь, ненависть, горе, гнев. В последнее время в Китае также популярно число 8. Число 8 связано с конфуцианской философией. Конфуций определил 8 моральных принципов, которые нельзя нарушать. В китайском языке есть выражение «восемь ветров». Оно имеет следующее значение: «то, что трудно достичь, но потом это несет радость и

счастье». В древней «Книге ритуалов» есть такое объяснение: чтобы скопились дождевые тучи (а дождь для крестьянина - это мечта), они должны преодолеть 8 горных вершин, 8 ворот восьми дорог и войти в вихрь из ветров восьми направлений. Эти ветры: северо-восточный, восточный, юго-восточный, южный, юго-западный, западный, северо-западный, северный.

Число «девять» в китайской культуре считается символом Неба, высшим символом, означает бесконечное множество. Оно называется «императорское число», ведь император - Сын Неба, поэтому китайцы считают число 9 самым счастливым.

В просмотренных нами сборниках русских устойчивых выражений найдено только одно выражение с однокоренным порядковым числительным девятый «девятый вал». Первоначально «девятый вал» обозначал наиболее сильную и опасную волну во время морской бури, но со временем выражение чаще стало употребляться в переносном смысле, и до сих пор служит символом грозной опасности или наивысшего подъема чего-либо.

В китайском языке произношение числа девять (цзю) одинаково с произношением слова 久, обозначающее «долгое время, вечность». Поэтому в представлении китайцев, девять - самое высокое, почетное и святое число, имеющее особое символическое значение.

Древние китайцы считали, что небосвод состоит из девяти сфер, а на девятом небе находится небесная высь, где живут все боги. Поэтому в китайском языке появилось выражение 九天 «девятое небо» (а в русском языке - седьмое небо). Все китайские императоры утверждали, что они получили свою власть из рук богов, с девятого неба, и старались связать всё императорское и дворцовое бытие с числом девять. Так как во дворце стояла стена с изображением девяти драконов, император девять раз в год чтит память своих усопших предков и т.д.

В целом, можно говорить о том, что число девять оказало также большое влияние и на китайскую культуру. В древности чин принято было

делить на девять классов. В древнем Китае 九州(Цзючжоу - девять районов) представлял собой даже общее название административных районов, и постепенно лексема стало другим параллельным названием Китая. В «**西游记**» (« Путешествии на Запад ») китайский историк и лингвист ТанСэн испытал восемьдесят одну (девять раз по девять) беду и, в конце концов, приобрёл настоящие сутры. В китайской поэзии число девять очень частотно: 飞流直下三千尺，疑是银河落九天。（李白《望庐山瀑布》） (Летит он с облачных высот Сквозь горный лес - И кажется: то Млечный Путь Упал с небес - Ли Бо «Смотрю на водопад в горах Лушань» 仍临九衢宴，更达四门聪。（王维《三月三日勤政楼侍宴应制》） (Если ты приезжаешь, на пир что гуляет вокруг, От всяких ворот возможно, найти его на слух - Ван Вэй «Написано по Высшему Повелению присутствуя на пиру в Тереме Усердного Управления в третий день третьего месяца »).

В «Люйшичуньцю», то есть в «Хронике господина Люя» (автор ЛюйБувэй, умер в 235 г. до н.э) встречается понятие «цзючжоу» («9 областей»), которое связано с древним делением Китая на 9 частей, отсюда древнее название Китая - «9 областей». В легендах говорится, что один из мифических императоров - Юй - приказал девяти драконам проложить девять рек. Сам император проверил работу драконов и поделил территорию между реками на 9 областей. Пекин в древности строили так, как говорил геомант (специалист по фэншуй), то есть кроме центральной улицы, на которой был дворец императора, проложили еще 8, чтобы разделить город на 9 частей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, следует отметить, что языковая картина мира, как и язык в целом, явление сложное и многомерное: в каждом современном языке выделяется общеязыковая, региональная, социальная, индивидуальная языковые картины мира. На первый взгляд кажется, что общеязыковая картина мира - это собственно языковая система, а индивидуальная - речевая. Однако эти понятия соотносимы друг с другом, но не совпадающие, так как языковая картина мира - это не только языковая система, её единицы и соотношения, но и представления о мире, система выраженных в языке ценностей, которые характерны как для народа в целом, так и для каждого его представителя в отдельности.

Проведенное в данной работе исследование позволяет говорить о тесной взаимосвязи между языком и культурой. Подтверждается основная идея лингвокультурологии - идея о неразрывной связи языка и культуры, когда культурой определяет содержание языковых единиц, в том числе содержание чисел. Можно утверждать на примере проанализированных чисел, что они выступают в определенном культурном контексте и, в зависимости от принадлежности к той или иной культуре, несут на себе ту или иную коннотацию, особенный смысл. Можно говорить о том, что числа занимают особое место в языковой картине мира.

1 В нумерологии разных культур, в том числе, как показало проведенное исследование в русской и китайской, существуют как различия, так и определенные сходства. Различия заключаются в исторических, географических, религиозных особенностях, кроме того, имеют место отличия в обычаях, фольклоре, народной психологии, менталитете и т.д.

2 Христианская культура оказала основополагающее влияние на русскую нумерологию, а в китайской культуре значимы буддизм, конфуцианство, даосизм и целый ряд других восточных вероучений. Все это,

несомненно, сформировали китайскую нумерологию и получили отражение в культуре народа.

3 Однако, имеются и сходства – основное из которых состоит в мыслительной закономерности человечеств. В результате проведенного исследования позволили сделать следующие выводы:

4 Имеют место совпадения при грамматической характеристике русских и китайских количественных числительных по отрицательным признакам (отсутствие категории рода и числа). Различия состоят в способности склоняться.

5 В обоих языках число является не только отдельной языковой единицей, но и важной частью национальной культуры и религии.

6 В обоих языках числа имеют как числовую характеристику, так и коннотативный смысл.

7 При сравнении выявлено, что одни и те же цифры некоторые значения определенных чисел не совпадают или только частично совпадают.

Исследование данной темы помогает специалистам русского и китайского языков глубже понимать и всесторонно изучать национально-культурные особенности нумерологии двух наций, способствует углублению постижения и учебного описания общей теории сопоставления русской и китайской языковых картин мира.

Контрастивное исследование фразеологического фонда разных языков позволяет определить закономерности образного моделирования мира носителями разных языков, выявить степень сходств и различий фоновых знаний, стоящих за исследуемыми единицами, способствуют установлению наиболее типичных, константных признаков национальной культуры, а также её реалий, представления о которых очень своеобразно преломляются во внутренней форме фразеологизмов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Абабайкэжи Г., Шантурова Г. А. Символика числа «семь» в русской и китайской культуре // Молодой ученый/ 2017. №24. С. 406-408
- 2 Антонова Ю. А. Символика китайских чисел в рамках теории и практики межкультурной коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С.200 202;
- 3 Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания. 1986. № 2. С. 57-70.
- 4 Аристотель. Метафизика. – М.: Эксмо, 1975. 212 с
- 5 Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4. С. 376 644
- 6 Башурина Д.И. Формирование лингвокультурологической компетенции иностранных студентов филологов при обучении русским паремиям Текст: дис. канд. пед. наук / Д.И. Башурина. Санк Петербург, 2005. 242 с.
- 7 Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М., 1935. 312 с.
- 8 Бодуэн де Куртене И.А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 х т. / Отв. ред. С.Г.Бархударов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 384 с.
- 9 Большой китайский фразеологический словарь. Цзянсу: Цзянсийское образование, 2014. 1116 с 中华成语大词典.江西教育出版社2014. 1116期
- 10 Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ Пресс Книга, 2006. 784 с.
- 11 Бориснёв С. В. Социология коммуникации: Учеб.пособие для вузов. М.: ЮНИТИ ДАНА, 2003. С. 14
- 12 Брутян Г.А. Гипотеза Сепира Уорфа. Ереван: Луис, 1968. 66с.

- 13 Брутян Г.А. Языковая картина мира и её роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. Ереван: Ереванский государственный университет, 1976. С. 57-65.
- 14 Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1958.
- 15 Ван Хуа Изучение национально культурной коннотативной лексики в русском и китайском языках / Ван Хуа // Вестник Томского государственного университета 2012. №356. языкознание. С. 11 14
- 16 Ван Хунци. Чудесная коннотация. — Пекин: Изд во перевода на иностранных языках, 2002 156 с.
- 17 Ван Хунци. Чудесные цифры жизни. — Пекин: Изд во перевода на иностранных языках, 1993 98 с.
- 18 Ван Цзюньлон. Математические исследования Чжоуи Цзин. Пекин: Изд во «Народная пресса», 王俊龙周易经传数理研究北京：人民出版社2015 2015. 291 с.
- 19 Ветловская В.Е. Символика чисел в «Братьях Карамазовых» // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. 1971. Т. XXVI. С. 139-141
- 20 Виноградов В. В. Русский язык. Учебное пособие. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
- 21 Волошинов А.В., Рязанова Н.В. Пифагорейское учение о числе: генезис числа как объекта культуры // Вестник Саратовского государственного технического университета . 2011. № 1. С.336-342;
- 22 Воробьев В.В. Прикладная лингвокультурология: сборник учебно-методических материалов для обучения русскому языку. М.: РУДН, 2013. 236 с.
- 23 Гизатуллина Л.У. Формирование межкультурной коммуникации при обучении иностранному языку [Электронный ресурс] Режим доступа:<https://infourok.ru>(дата обращения: 11.02.2019)
- 24 Головлёва Е.Л. Основы межкультурной коммуникации. М, 2008 312 с.

- 25 Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского ГУ. Гуманитарные науки, 2012. – С. 396-
- 26 Горелов В.М. Грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1992. 172 с.
- 27 Гохуа У. Контрастивный анализ национально культурной семантики русских и китайских номинативных единиц / У Гохуа. Контрастивный анализ национально культурной семантики русских и китайских номинативных единиц. Пекин, 2002 214 с.
- 28 Гохуа У. Расхождения культурных коннотаций в русских и китайских словах реалиях: Филология. Лингвистика. Лингводидактика / У. Гохуа. Расхождения культурных коннотаций в русских и китайских словах реалиях: Филология. Лингвистика. Лингводидактика М., 1995 132 с.
- 29 Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник. М.: Гослитиздат, 1957. 991с.
- 30 Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо, 2010. 916 с.
- 31 Даурли Д.П., Эдингер Э., Зеленский В. К.Г. Юнг и христианство / Пер. Ю. Донца, М. Завьяловой, В.Зеленского, А. Шурбелева. Научи, ред. и послес. В.В.Зеленского. СПб.: Академический проект, 1999. 287с.
- 32 Ди Я. Сопоставительный анализ устойчивых сочетаний с компонентом «семь» в русском и китайском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5–2 (59). С. 83–86
- 33 Ди Яогуанг, Киселева Л. А. Фразеологизмы с числовым компонентом в русском и китайском языках: лингвокультурологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6(60). Ч. 2. С. 75-77
- 34 Дортман С.Р. Обучение лингвокультурологической компетенции учащихся средних профессиональных образовательных учреждений Текст: дис. канд. пед. наук / С.Р. Дортман. Пятигорск, 2012. – 180 с.

- 35 Ефремова. Т. А. Новый словарь русского языка. / Т. А. Ефремова. М., 2000. Т.1 712 с.
- 36 Исаева Л.И. Жизнь среди символов. М.: Диалог культур, 2006. С. 204 – 205.
- 37 Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI XVII вв.). СПб.: Алетейя, 2000. 320 с.
- 38 Китайско-русский словарь. Шанхайский институт иностранных языков. 张岱年.中国哲学大辞典[М].上海：上海辞书出版社 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://bookfi.net/book/586026> (Дата обращения 25.03.2019)
- 39 Ключников С. Священная наука чисел. М., 1995 516 с.
- 40 Кобзев А.И., Учение о символах и числах в китайской классической философии// Институт Дальнего востока РАН/ 1994 №5 С. 166-169
- 41 Корнилов О. А. Жемчужины китайской фразеологии. М.: ЧеРо, 2005. 335 с.
- 42 Культура и коммуникация / Под ред. Ху Вэнчжуна. Изд во «Изучение и преподавание иностранного языка», 1994 420 с.
- 43 Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1999. 512 с.
- 44 Лаоцзы Дао дэ цзин. Книга пути и достоинства. 老子.道德经[М].长沙：岳麓书社(2011). ЛаоЦзы (2011) Дао Дэ Цзин. Издательство Юйлу. LaoCzy (2011) DaoDjeCzin М: Литагент «Центрполиграф». 2012. 70 с.
- 45 Лин Юйшань. Большой китайский фразеологический словарь. Пекин: Пекинское образование, 2014. 1344 с. 林玉山.中华成语大词典.北京教育出版社.2014. 1344期
- 46 Лингвистика в эпоху глобализации: сборник статей к юбилею Виктора Владимировича Кабакчи / под ред. Е.В. Белоглазовой. СПб. : Изд во СПбГЭУ, 2018. 163 с.
- 47 Ломоносов М. В. Российская грамматика. М., 1952. 262 с.

- 48 Лопатин. В. В. Русский толковый словарь / В. В. Лопатин. М., 2002. 716 с.
- 49 Лукин В.А. Концептуальный инвариант системы значений лексемы "один" // Филологический сборник к столетию акад. В.В. Виноградова. М., 1995. С. 300-306.
- 50 Мэн Цинжун, Лингводидактическое описание цифр «Семь» и «Девять» в русском и китайском языках// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность/ 2008. №3. С.11-15
- 51 Мэн Цинжун. Лингводидактическое описание цифр «Семь» и «Девять» в русском и китайском языках // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2008. № 3 С.11–15.
- 52 Новичкова Т.А. Традиционные числа в былинах. Серия литературы и языка. М. 1984. № 5. 312 с.
- 53 Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ.рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 552с.
- 54 Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2008. 1100 с.
- 55 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АзъLtd., 1992. 960с.
- 56 Пелепейченко Л.Н. Многоуровневый характер отражения действительности в языковой картине мира // Вісник Львівського університету. Серія фіолологічна. Львів, 2000. Вип. 28. С. 87-96.
- 57 Петерсон М. Н. Русский язык. М. Л., 1955. 312 с.
- 58 Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. 420 с.
- 59 Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. 512 с.
- 60 Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Аспект пресс, 2015 312 с.

- 61 Савченко Л.В. Репрезентация концептуальных кодов культуры во фразеологизме // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. LXIII междунар. науч. практ. конф. № 8(63). – Новосибирск: СибАК, 2016. С. 68-76
- 62 Се Гуанхуй Этимологический словарь китайского языка. Издательство Пекинского университета 谢光辉.汉语字源词典.北京: 北京大学出版 2000 2006 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://bookfi.net/book/> (Дата обращения 25.03.2019)
- 63 Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 212с.
- 64 Синтао Ю. Анализ стратегии строительства «Один пояс – один путь» // Ежемесячник теории. 2014. № 11. С.6-7
- 65 Синьха. Большой фразеологический словарь китайского языка / Сост. ЧжаоКечинь. Пекин: Коммерция, 2015. 1185 с. 新华成语词典第2版.商务印书馆.2015. 1185期
- 66 Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- 67 Супрун А. Е. Имя числительное и его изучение в школе. М., 1964. 159 с.
- 68 Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 260 с.
- 69 Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 242с.
- 70 Телия В.Н. Культурно национальные коннотации фразеологизмов: От мировидения к миропониманию // Славянское языкознание: докл. рос. делегации. М., 1993. С. 309

- 71 Толстая, С.М. Счет и число в народной традиции: семантика, оценка, магия / С.М.Толстая // Семиотика и информатика. Сб.науч. статей. Вып.37. к 50 летию ВИНТИ. М.:РИНИЦ 2002. С.43-58
- 72 Трубачев О.Н. В поисках единства [Trubachev O.N.Lookingfortheunity] // Русская речь. М., 1990. № 2. 12 с.
- 73 Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. 3 е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
- 74 Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1967. 543с.
- 75 Хуан Сухуа, ЛюГуанчжунь. Лингвокультурологический словарь русского языка. Изд-во «Вэньсинь», 2005. 916 с. 黄苏华, 刘光准. 俄语语言文化词典. 文心出版社
- 76 Цзя Ц. К вопросу о некоторых понятиях категории количества на материале китайского языка// В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. LIV междунар. науч. практ. конф. № 11(54). Новосибирск: СибАК, 2015 88-89
- 77 Цзян С. О различиях в восприятии и употреблении числительных в русской и китайской культурах // Молодой ученый. 2014. №10. С. 549-551
- 78 Цифры в русском и китайском языках: культурные различия и сходства [Электронный ресурс] / Ц. Сюй // Актуальные проблемы современной науки 2014. №4. С.46-50
- 79 Цуй Х. Е. Семантика наименований чисел в русском и китайском языках: лингвокультурологический аспект: Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Краснодар, 2003.176 с.
- 80 Челнокова А.А. Выражение различных видов количества в языке (на материале немецкого языка) // Вестник СамГУ. 2007. № 5/2. С. 229–237;
- 81 Чеснокова Л.Д. Категория количества и синтаксические структуры // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 44–53;

- 82 Шагиахметова А.К. Номинативно количественные функции числительных на примере английских пословиц // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XLVI междунар. студ. науч. практ. конф. № 9(46). URL: [https://sibac.info/archive/guman/9\(46\).pdf](https://sibac.info/archive/guman/9(46).pdf) (дата обращения: 25.02.2019)
- 83 Шао К. Роль молодежи в стыковке языка и культуры с идеей «Один пояс – один путь» // Студенческий: электрон.научн. журн. 2017. № 9(9). URL: <https://sibac.info/journal/student/9/80066> (дата обращения: 25.02.2019)
- 84 ШаоНаньси. Нумеративные устойчивые выражения в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 183 с.
- 85 Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 1952.
- 86 Шеппинг Д.О. Символика чисел / Д.О. Шеппинг. – Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1893. – 240 с. [Электронный ресурс] Российская государственная библиотека. Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003666606> (Дата обращения 23.02.2019)
- 87 ЩербаЛ. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 77–100.
- 88 Юецинь Л. Концепция «Один пояс – один путь»: вызовы и перспективы // Вестник Хунаньского института финансов и экономики. – 2015. № 154. С 7-8
- 89 ЮйЧуньхайИцзин: Цзилиньское издательство художественных и исторических произведений 干春海.易经[M].长春:吉林文史出版社 2006 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://bookfi.net/book/> (Дата обращения 25.03.2019)
- 90 Ян С., Ма Ц. Влияние разницы мышления и языковой привычки на перевод с китайского на русский // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по матер. XI междунар. науч. практ. конф. № 6(10). – Новосибирск: СибАК, 2018. – С. 47 55

- 91 赵国军. 汉语量范畴研究综述[J]. 贵州师范大学学报(社会科学版), 2009(6), 第141页. ЧжаоГоцзюнь. Очерк исследований категории количества китайского языка // Вестник Гуйчжоуского педагогического университета. 2009. № 6. С. 140–147
- 92 陈晓荷. 主观量初探:兼谈副词“就”“才”“都”[J]. 世界汉语教学, 1994(4), 第6页. ЧэнСяохэ. Исследование по проблеме субъективного количества // Всемирное преподавание китайского языка. 1994. № 4. С. 6–13.

Приложение А

Фразеологизмы с числительным «один»

Один как перст – одинокий.

Один - одинешенек - одинокий.

Одним миром мазаны - с одинаковыми недостатками.

Одного поля ягода – совершенно похожи по духу, по своему поведению или положению.

На один покрой - одинаковый, подобный.

На одну колодку - одинаковый, подобный.

На одно лицо - очень похожи друг на друга, лишены индивидуальных, существенных отличий; о ком-либо или о чем-либо.

Одним махом - сразу, за один прием.

Одной веревочкой связан(ы) – объединен чем-то общим, неразрывным.

Одним словом – заключая что-либо сказанное, «короче говоря».

В один голос – 1. все вместе, одновременно (отвечать, спрашивать и т.п.). 2. единодушно, единогласно (утверждать, повторять и т.п.).

Мерить на один аршин - подходить к оценке различных людей, явлений, обстоятельств и т.п. одинаково, без учета индивидуальных особенностей.

На один зуб – об очень малом количестве еды.

Один черт – (груб.) одно и то же, все равно.

Один к одному - один лучше другого.

Один конец - выражение отчаянной решимости: выбора нет, ждет печальный исход.

Один на один - без посторонних.

Один шаг до.. – совсем близко.

Под одну гребенку (стричь всех) - уравнивать всех в каком-либо отношении.

Как одна минута – очень быстро.

Одна нога здесь, другая там – очень близко.

Жить одним домом - вместе, сообща вести хозяйство.

Хоть одним глазком - мельком (посмотреть, взглянуть и т.п. на кого-либо или на что-либо).

Одним махом; Одним духом - разом, быстро выпить или что-либо сделать.

Одним росчерком пера - простой подписью под приказом, распоряжением и т.п., обычно не вникая в суть дела, мгновенно, быстро (делать что-либо).

Все до одного - (все) без исключения, полностью.

Одной ногой в могиле - близок к смерти.

Первая ласточка – самый первый среди подобных или самые ранние признаки появления чего-либо.

Первый встречный – случайный человек.

Фразеологизмы с числительным «два»

Раз-два да и готово – о чем-то, что можно быстро сделать, приготовить и т.п.

Раз-два да и обчелся – так мало, что можно посчитать (или считать не нужно).

В два счета - очень быстро, моментально; без промедления.

В двух шагах от... – очень близко.

Два сапога – пара – один другого не лучше.

Убить двух зайцев (значение фразеологизма Убить двух зайцев подробнее здесь) - сразу выполнить два нужных, важных дела; добиться осуществления двух целей.

Похожи как две капли воды (как две капли воды - значение и употребление фразеологизма) - совершенно, очень сильно похож.

На два слова – (вызвать) коротко поговорить о чем-либо.

Черта с два – вовсе нет, этому не бывать.

От горшка два вершка(о вершках подробнее здесь) – мал ростом или мал по возрасту, неопытен.

Из вторых рук - через посредников (узнать, получить и т.п.) (= из третьих рук)

Есть в два горла – очень много есть.

На два фронта – действовать в двух разных направлениях.

Между двух огней – быть в трудном, опасном положении, когда неприятности грозят с двух сторон.

Сидеть между двух стульев – находиться в неопределенном положении.

Ни два ни полтора – нечто неопределенное.

Палка о двух концах - о том, что может кончиться хорошо или плохо.

Приложение В

Идиомы с числительным «три»

Пословицы и поговорки

Три друга: отец, да мать, да верная жена.

Три попа, а заросла в церковь тропа.

Наговорил с три короба.

У доброй лисы по три отнорка.

Не узнавай друга в три дня, узнай в три года.

Солдату три деньги в день, куда хочешь, туда их и день.

Двор кольцом, три жердины конец с концом; три кола забито, три хворостины завито, небом накрыто; светом обгорожено.

Что такое? — Три покоя, а жить негде.
В августе мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять.
Ложка-то узка, таскает по три куска; надо ее развести, чтоб таскала по шести.
Алеша три гроша, шейка копейка, алтын голова, по три денежки нога: вот ему и вся цена.
Сидит, надувается, три дня в лапти обувается.
Такая красава, что в окно глянет — конь прынет; на двор выйдет — три дня собаки лают.
Всякая небылица в три года пригодится.
Конь, нога бела — десять рублей, две ноги белы — двадцать рублей, три ноги белы — тридцать рублей, а четыре ноги белы — четыре рубля.
Ходит, будто три дня не евши.
Хоть три дни не есть, а с печи не лезть.
Хоть трижды подой, все тот же удой.
Три дня — не три года.
Говорит три дни, а все про злыдни.
Рубит в три топора, а денежка не спора.
Трижды человек дивен бывает: рождается, женится, умирает.
Три бабы — базар, а семь — ярмарка.
Шейка — копейка, алтын — голова, по три деньги нога, а душка — полушка.
Цыганский дом: три кола да посередине головня.
Торгу на три алтына, а долгу на пять.
Чванства на сто рублей, а животов на три полушки.
Три дня молот, а в полтора съел.
Завтра в поход: три версты безпривалу да на своих харчах; готовься, суши сухари.
Пляши в три ноги.
Не угадывай в три дня, укадывай в три года!
Поле в три переклика, а он гонца шлет.
На рубль долгу, три полтины росту.

С горы без хомута, а в гору в три кнута.
Три деньги в день — куда хочешь, туда день.
В нашей волости три болести: рекрутство, подати да земщина.
Выпили овечьего квасу на три деньги, а шуму на пол-осьмухи (вина).
Согнуться в три погибели, в крюк, в дугу.
На всякой неделе по три пятницы.
Если месяц в три дня обглядится, то весь будет вёдреный, а когда три дня
дождя, то весь ненастный.
До солнца пройти три покоса, ходить будешь не босо (т. е. в сапогах).
Пишет в три пера, а денежка не спора.
Три года — не три века.
Один сын — не сын, два сына — не сын, три сына — сын.
За три вещи не ручайся: за часы, за лошадь да за жену.
Приехала баба из города, привезла вестей три короба.
Три коровушки есть, отелятся — будет шесть.
Эка шаль: по три деньги шваль (т. е. дрянь дешева).
Три дня не евши, да в зубах ковыряет.
Хорошего трижды не сказывают.

Фразеологизмы

Заблудиться в трёх соснах
На трёх китах (покоиться)
Плывать за три моря
Бог любит троицу
Наврать с три короба
Комбинация из трёх пальцев
Третий лишний
Москва - Третий Рим
Третий мир
Расстрельная тройка
Третьего не дано

Лить слёзы в три ручья (кстати, фразеологизмы со словом слезы)

Гнать в три шеи

До третьих петухов

Будь трижды проклят

Драть три шкуры

Согнуть в три погибели

Сгибаться в три дуги

Работать за троих

Видеть на три аршина под землю

Гляди в оба, а зри в три

В трёх шагах

В три горла

В три глотки